

**БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОГО
ПОЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ «РАБОЧИЙ»**

**ПОЧЕМУ КПСС И КПрФ –
АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЕ
БУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ**

Методическое пособие для учащихся старших классов

БОРИС ИХЛОВ

Пермь 2012

ISBN 978-5-905465-04-8

Содержание:

1. Что такое собственность?	2
2. Что такое государственная собственность.....	2
3. Что такое классы	3
4. Почему возникли классы.....	3
5. Что такое капитализм.....	5
6. Чем пролетарий отличается от рабочего.....	6
7. Абстрактный и конкретный труд.....	7
8. Что такое государство.....	7
9. Что такое способ производства, общественно-экономическая формация, общественный строй, базис, надстройка.....	8
10. Что такое революционная ситуация.....	19
11. Что такое революция.....	23
12. Что такое диктатура пролетариата.....	23
13. Какие отношения между классом и партией.....	24
14. Что такое социализм.....	24
15. Что такое капитализм.....	25
15. Чем социализм отличается от капитализма.....	26
17. Какой строй был в СССР.....	26
18. Кто такой Сталин.....	26
19. Какова сущность КПСС.....	27
20. Что произошло в 1991 – 1993 гг.	27
21. Как возникла КПРФ.....	27
22. Как на практике проявляется буржуазная сущность КПРФ.....	30
23. Социальные спарринг-партнеры.....	33

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Диалектика абстрактного и конкретного в труде.....	37
2. Что такое революционная ситуация.....	57
3. Что такое революция.....	63
4. Что такое диктатура пролетариата.....	90
5. Какие отношения между партией и классом.....	102

1. Что такое собственность?

В письме Анненкову Маркс пишет, что люди, к сожалению, понимают под собственностью отношение человека к вещи. Это неправильно. Собственность – это ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ по поводу вещей.

Со времен римского права собственность подразделялась на а) пользование (напр., аренда), б) владение, в) распоряжение (управление). То есть, тот, кто распоряжается людьми, средствами производства (станками, поездами, подъемными кранами и пр.) есть собственник. Не только тот, кто владеет, собственник, но и тот, кто распоряжается.

Казалось бы, какой же из управленца собственник? У собственника что-то должно быть на счету в банке, а управленец совсем бедный, совсем нищий. Но управленцу и не надо иметь счет в банке. Потому что он порой распоряжается самим банком.

Что же важнее, владение или управление?

Рассмотрим такого собственника, как директор завода в СССР. Говорят, что директор потому не собственник, что сам наёмный работник, он подчинен министерству. Но такие же отношения не только в СССР. Посмотрите, как ведут себя не то, что хозяева фирм, а президенты стран, подчиненных США: Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Кувейта, Саудовской Аравии и пр. А хозяева дочерних фирм что, не капиталисты, что ли. Тони Блэр перед нападением на Ирак ведет себя как полностью подчиненный Вашингтону. Совладелец компании, чей пакет акций меньше чем у другого совладельца, тоже вынужден исполнять чужие решения.

С другой стороны, например, семья Фордов – не владельцы, но собственники. Форды владеют лишь 10% акций своих предприятий, а контрольный пакет в США определен в 22,5%. Зато они главные распорядители, попробуй, убери Фордов! Помните, с каким трудом менялись такие управленцы, как генеральные секретари КПСС. Только со смертью, не иначе.

В природе наблюдается тенденция смыкания функций владения и управления, так, капиталист Ширак был президентом Франции, Берлускони – тоже акула капитализма, депутаты Конгресса Аргентины – как правило, крупные землевладельцы, депутаты Конгресса США активно участвуют в коммерции. То же самое и России – депутатами становятся богачи.

Итак, директор завода – собственник. Начальник цеха – собственник. Любой столоначальник – собственник. Генеральный секретарь –

собственник. Все они распорядители, стоят выше рабочих в общественной иерархии.

Рабочие СССР хорошо помнят заводскую иерархию. Директор завода – не друг, не товарищ. Во время смены он хозяин рабочего. Противоположность заводской администрации и трудового коллектива из скрытой за газетной демагогией стала явной в Тольятти в 1992-м. Там директорский корпус подписался в поддержку Ельцина против ВС РФ. И получил взамен в карман 5% акций предприятий бесплатно.

Помните, как шла приватизация? Кто больше начальник, тот больше кусок и отхватил. Администрация пермского «Вторчермета» захапала 87% акций, «Камтекса» - 98% акций и т.д. Трудовой коллектив завода им. Ленина, когда начальство стало незаконно хапать акции, сильно возмутился жадностью начальников цехов, заводоуправления, гендиректора, рабочие даже хотели подать заявление в прокуратуру. Однако чего-то не подали, застеснялись...

Вот наглядный пример того, что власть есть отношение собственности, начальник цеха – это высокое место в общественной иерархии, благодаря этому месту начальник и получает гораздо большую долю общественного богатства.

2. Что такое государственная собственность?

Государственная собственность – один из видов частной собственности.

Энгельс в «Антидюринге» пишет: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями.»

Государственная собственность не отменяет частную, наоборот, частная собственность становится абсолютной, по выражению Маркса, частной собственностью в своей всеобщей форме.

Значит, государственная собственность, которая была в СССР, вовсе не была общенародной, общей, или «как бы ничейной», как говорили в 90-е годы либералы. Государственная собственность – это частная собственность. Государственная собственность вовсе не означает социализм:

«В последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим **всякое** огосударствление даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Бисмарк несомненно должны быть зачислены в число основателей социализма.

Когда бельгийское государство из самых обыденных политических и финансовых соображений само взялось за постройку железных дорог, когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железные дороги просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников... - то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным.

Иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевская Seehandlung, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии, или даже всерьез предложенное каким-то умником при Фридрихе-Вильгельме III огосударствление... домов терпимости.» («Развитие социализма от утопии к науке», Маркс К., Энгельс Ф., Избр. Соч., М., 1985, т. 3, с. 179-180).

Вот потому Гайдар с Чубайсом - ввали, что они утвердили частную собственность, что они заставили признать частную собственность. Она в СССР никуда не исчезала.

По поводу юридической, декларативной «отмены частной собственности» Маркс резко возражал: «Коммунизм, - возражает Маркс **уравнительному коммунизму**, - на первых порах... выступает как всеобщая частная собственность (государственная) ... коммунизм в его первой форме является лишь обобщением и завершением отношений частной собственности. ... господство вещественной собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить то, чем на началах частной собственности не могут обладать все.»

Далее Маркс будто подглядывает, чем заняты сегодня компартии и троцкистские группы: «Непосредственное физическое обладание (т.е. распределение на благо всех, Б.И.) кажется ему единственной целью жизни и существования; категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей... наконец, **это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность**

(государственную). Всякая частная собственность... ощущает по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящего из представления о некоем минимуме... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз... из возврата к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.» («Экономическо-философские рукописи 1844 г.»)

3. Что такое классы?

Маркс и Энгельс дают определение пролетариата: это такой класс, который, не имея средств производства, вынужден продавать свою рабочую силу.

Соответственно, капиталисты – это собственники средств производства. Это могут быть арендаторы, могут быть владельцы, а могут быть распорядители.

Ленин в статье «Великий почин» тоже дает определение классов:

это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Казалось бы, если дача государственная, то чиновник не ее непосредственный владелец. И ничего страшного. Но он этой дачей пользуется, это общественное благо, которое он захапал, благодаря своему высокому положению в общественной иерархии.

Таким образом, советские партийные государственные чиновники, которые занимали высокое место в общественной иерархии и получали значительно больше благ, чем трудящиеся, являются классом. Поскольку они распорядители средствами производства – то они класс собственников, капиталистов. В полном соответствии с определениями Маркса, Энгельса, Ленина.

4. Почему у одних – всё, у других – ничего? Почему возникли классы?

Первобытно-общинный строй достиг своего расцвета при матриархате. Патриархальный род уже таил в себе зачатки разложения первобытно-общинного строя.

Производственные отношения первобытно-общинного строя до известного периода находились в соответствии с уровнем развития производительных сил. На последней ступени патриархата, с появлением новых, более совершенных орудий производства (железный век), производственные отношения первобытного общества перестали соответствовать новым производительным силам. Узкие рамки общинной собственности, уравнильное распределение продуктов труда стали тормозить развитие новых производительных сил.

Раньше обработать поле можно было лишь совместным трудом десятков людей. В таких условиях общий труд являлся необходимостью. С развитием орудий производства и ростом производительности труда уже одна семья оказывалась в состоянии обработать участок земли и обеспечить себе необходимые средства существования. Таким образом, совершенствование орудий производства создавало возможность перехода к индивидуальному хозяйству, как более производительному в тех исторических условиях. Необходимость совместного труда, общинного хозяйства всё более отпадала. Если общий труд требовал общей собственности на средства производства, то индивидуальный труд требовал частной собственности.

Возникновение частной собственности неразрывно связано с **общественным разделением труда и с развитием обмена.**

На определенной стадии развития орудий труда, когда возросла **производительность труда**, человек смог производить больше в единицу времени продуктов потребления, чем ему нужно было для **восстановления своей рабочей силы**. Количество продуктов, производимых отдельным производителем, резко возрастало при специализации труда, разделении общественного труда, когда один производил горшки, другой плавил металл. **Излишки**, возникшие у одного производителя, **обменивались** на продукты, производимые другими.

Важный момент: вождями племен, главами общин первоначально становились **собственники**. Но собственники особого рода: владельцы знаний и умений, умеющие обжигать горшки или плавить металл. Очевидно, что развитие общества по спирали вверх должно привести в

исходную точку, но на более высоком уровне, когда рабочие с высшим образованием станут собственниками основных средств производства.

Итак, на первых порах обмен производился **распорядителями, главами родовых общин** — старейшинами, патриархами. Они выступали в меновых сделках в качестве представителей общин. То, что они обменивали, являлось достоянием общины. Но по мере дальнейшего развития общественного разделения труда и расширения обмена родовые вожди, **бессменно распоряжаясь** общинным достоянием, **умая это делать**, постепенно закрепили за собой право относиться к общинному достоянию, как **владельцы** к своей собственности.

Вначале главным предметом обмена был скот. Пастушеские общины имели большие стада овец, коз, крупного рогатого скота.

Старейшины и патриархи, уже обладая большой **властью** в обществе, закрепляли за собой право распоряжаться этими стадами, как своими собственными. Их фактическое право распоряжаться стадами признавалось и остальными членами общины, которые никогда и не пробовали, не умели распоряжаться стадами. Таким образом, раньше всего частной собственностью становился скот, затем постепенно все орудия производства. Дольше всего сохранялась общая собственность на землю.

Появление частной собственности вело к разложению рода. Род распадался на большие патриархальные семьи. Затем внутри большой патриархальной семьи стали выделяться отдельные семейные ячейки, превратившие орудия производства, утварь и скот в свою частную собственность. С ростом частной собственности родовые связи ослабевали. Место родовой общины стала занимать сельская община. Сельская, или соседская, община, в отличие от рода, состояла из людей, не связанных обязательно родственными отношениями. Дом, домашнее хозяйство, скот — всё это находилось в частной собственности отдельных семей. Лес, луг, вода и прочие угодья, а в течение определённого периода и пашня составляли общинную собственность. Первоначально пашня периодически переделялась между общинниками, а позднее перешла в частную собственность.

Развитие частной собственности и имущественных различий привело к тому, что внутри общин у различных групп общинников возникли разные коллективные интересы. В этих условиях лица, занимавшие в общине должности старейшин, военных руководителей, жрецов (идеологов),

использовали **своё положение в общественной иерархии** в целях обогащения. Они завладевали значительной долей общинной собственности. Носители этих общественных должностей всё более отделялись от массы общинников, образуя родовую знать и всё чаще передавая свою власть по наследству. Знатные семьи становились вместе с тем наиболее богатыми семьями.

Как указывалось, с ростом производительных сил труд человека, применённый в скотоводстве и земледелии, стал давать больше средств существования, чем было необходимо для поддержания жизни человека. Появилась возможность присвоения прибавочного труда и прибавочного продукта, то есть излишка продукта труда сверх того, что требуется для прокормления самого работника. В этих условиях оказалось выгодным не убивать взятых в плен людей, как это делалось раньше, а заставлять их работать, превращая в рабов. Рабов захватывали более знатные и богатые семьи. В свою очередь рабский труд вёл к дальнейшему росту неравенства, так как хозяйства, использовавшие рабов, быстро богатели. В условиях роста имущественного неравенства богачи стали превращать в рабов не только пленных, но и своих обедневших и задолжавших соплеменников. **Так возникло первое классовое деление общества — деление на рабовладельцев, мелких земледельцев (в Древней Греции – илотов) и рабов.** Появилась эксплуатация человека человеком, то есть безвозмездное присвоение одними людьми продуктов труда других людей. Мелкие земледельцы эксплуатировались опосредованно – за счет неэквивалентного обмена, т.е. богатое сословие вынуждало их отдавать больше продукта за малое вознаграждение.

Это была первоначальная форма эксплуатации, выраженная в **вещной** форме.

С развитием производительных сил возникает новая, более высокая форма эксплуатации, выраженная в отчуждении работника от средств производства (орудий труда, предметов труда, условий труда) и продуктов труда. Дело в том, что буржуа никогда не потребляет весь прибавочный продукт, произведенный рабочим. В худшем случае он бы лопнул, в лучшем – разорился бы вследствие конкуренции. Буржуа вынужден направлять часть прибавочного продукта на развитие производства, на его расширение – абсолютно точно так же, как это делал советский начальник.

Во всех странах мира, включая СССР, доход предприятия одинаково делится на фонд накопления (ранее в СССР – фонд развития производства) и фонд потребления (фонд оплаты труда, амортизационный фонд и расходы

на управление, включая доход хозяина, капиталиста или такого частного собственника, как государство). Рабочий отстранен, отчужден от распоряжения, **планирования**, каким образом будет использован этот его прибавочный продукт – как в США, ФРГ или Японии, так и в СССР, нет никакой разницы.

Яркий пример такой эксплуатации – конвейер, труд на котором делает из человека обезьяну.

Продолжим.

Производственные отношения первобытно-общинного строя разлагались, гибли и уступали место новым производственным отношениям, отвечавшим характеру новых производительных сил.

Общий труд уступил место индивидуальному труду, общественная собственность — частной собственности, родовой строй — классовому обществу. Начиная с этого периода вся история человечества вплоть до построения социалистического общества стала историей борьбы классов.

Буржуазные идеологи изображают дело так, будто бы частная собственность существовала извечно. История опровергает эти измышления и убедительно свидетельствует о том, что через стадию первобытно-общинного строя, основанного на общей собственности и не знавшего частной собственности, прошли все народы.

Отношения господства и подчинения возникли, как показал Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг», двумя путями: 1) путём выделения эксплуататорской верхушки внутри общины и 2) путем превращения в рабов военнопленных, захваченных при столкновении между общинами. Оба эти пути переплетаются.

Материальной основой существования классов является старое общественное разделение труда.

5. Что такое коммунизм?

Это такое общество, в котором нет классового неравенства. Этого можно достичь лишь тогда, когда в обществе вообще нет классов.

К. Маркс в письме И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 пишет: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов.» (Маркс, Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 28, с. 427).

Отметим важный пункт: диктатура пролетариата есть процесс уничтожения классов, переход к бесклассовому обществу.

«Уничтожить классы, - пишет Ленин, - это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества, это значит - все граждане имеют одинаковый доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее.» (ПСС, т. 24, с. 363).

Так ли это?

Ленин прекрасно понимал, что если, скажем, сельский труд пока не равен труду рабочего, но по мере развития орудий труда станет ему равным. Что если, скажем, труд каменщика можно худо бедно приравнять к труду слесаря, то есть специфический труд, который резко выделяет людей из всего остального общества – это труд управленца. Получивший навыки в управлении неминуемо закрепит за собой право управлять. А тот, кто не имеет этих навыков, обязательно передоверит «умельцу» право собой распоряжаться.

Каким же способом Ленин хотел уравнивать всех перед лицом управляющего труда? Т.е. уничтожить классовое неравенство? В «Апрельских тезисах» (которые Плеханов назвал бредом сумасшедшего) Ленин предлагает принципы, выработанные Парижской Коммуной: 1) постоянную сменяемость управленца, 2) его скромную зарплату (равную зарплате квалифицированного рабочего), 3) контроль за управленцем со стороны рабочего.

Для партийных управленцев – особый пункт: партмаксимум. Сталин его отменил, позволив зажираться партийной сволочи. Но признаки буржуа у партийных чиновников проявились еще раньше, потому их Ленин называл «коммунистическая сволочь».

Как только масса людей становится над обществом, начинает работать марксова формула: общественное бытие определяет общественное сознание. У госчиновника возникает собственный классовый интерес – удержать власть.

Для того, чтобы уравнивать людей перед лицом труда умственного и труда физического, Энгельс предлагал, скажем, тачечнику периодически меняться трудом с архитектором. Ясно, что это утопия. Не имеющий высшего образования и практики работы тачечник такого настраивает, что десяти архитекторам не разгрести.

В чем тут дело?

Буржуазия и рабочий класс – две взаимосвязанных, взаимопроникающих стороны противоречия. Невозможно разрешить социальное противоречие путем устранения только одной его стороны.

Представьте, что сегодня у вас в руках волшебная палочка, и вы решили испарить на атомы всех, кто мешает жить: президента, правительство, губернаторов с банкирами, сити-менеджеров с мэрами, абрамовичей с ходорковскими, полицию и так далее, и тому подобное. Что произойдет? На их места тут же рванут рядовые граждане, которые нахапать не успели, из всех сел и деревень, из заводов и университетов. Т.е. низы ИЗ СВОЕЙ СРЕДЫ тут же восстановят класс буржуазии.

Нет, устранению подлежат обе стороны социального противоречия, как буржуазия, так и рабочий класс. Они не существуют друг без друга. Но как же это возможно?

Пока отметим, что принципы Парижской Коммуны нам не помогли достичь равенства. В первую очередь потому, что рабочий, не имеющий высшего образования, не может контролировать имеющего знания директора. Рабочий после смены торопится домой, его на профсоюзное собрание не затащишь. Он передоверит директору и управление заводом, и приватизацию завода.

А ведь контроль за чиновником – это и есть власть. Помните, Ленин призывал: «Сведем роль госчиновников к роли простых исполнителей волю трудящихся»? Нет контроля – не власти рабочих. Отметим этот важный момент: у рабочих в СССР не было власти.

Но, может быть, разрешение основного общественного противоречия, противоречия между трудом и капиталом, является такой синтез, такое появление нового, как появление рабочего, который одновременно и рабочий, и начальник? Собственник средств производства?

Не-а.

Отчего же? Для этого нужно ответить на следующий вопрос:

6. Чем пролетарий отличается от рабочего?

В процессе производства рабочему ни Маркс, ни Гегель не требуются. Если даже он выучит какие-нибудь статьи классиков, всё равно это для него будет бесполезное знание. Если рабочий проштудирует Трудовой Кодекс, он, конечно, получит в руки оружие против администрации. Он сможет

знать даже больше, чем заводской юрисконсульт, ведь он будет отстаивать своё собственное трудовое право. Но трудовое право – вовсе не власть. Чтобы принимать участие в управлении заводом, рабочему нужны совсем другие, инженерные знания.

Препятствием к ним стоит не только ограничение количества вузов. Но и время: производство непрерывно требует определенного количества не инженеров, а рабочих у станка. Третье, и самое главное препятствие – сам труд.

Чтобы это понять, почему, нужно вернуться к определению пролетариата.

Рабочий – это тот, кто вынужден продавать свою рабочую силу. Наниматься. Но ведь и директор завода – тоже наемный. Ясно, что директор – не пролетарий, т.к. он собственник. Он распоряжается людьми, средствами производства. Но как быть с инженером, ученым, врачом, учителем? Они ведь тоже наемные.

Кто-то скажет, что все они ни черта не производят, а рабочий производит гайку. Тем самым производит прибавочную стоимость. А вот и не так. Все они участвуют в создании прибавочной стоимости. Маркс пишет, что услуги – точно такие же товары, как и гайки, тоже имеют стоимость. При производстве услуг точно так же возникает прибавочная стоимость. Во 2-м томе капитала Маркс говорит о совместном создании прибавочной стоимости рабочим и инженером. С другой стороны, ни водитель товарняка, ни крановщик ни черта не производят: перемещать перемещают, а производить чего-то вещного – нет. Однако никто не сомневается, что они рабочие.

При этом все понимают разницу в интересе рабочего и ученого. Рабочий стремится сократить свой рабочий день, а ученый – его продлить, потому что у ученого интересная работа.

Если мы сейчас скажем, что общество делится на классы из-за такого общественного разделения труда, как деление на труд умственный и физический, мы мало продвинемся – хотя все понимают, что к чему. Одно дело – махать лопатой, другое – двигать авторучкой. Загвоздка в том, что у скульптора, скажем, преобладает физический труд. А рабочий, который мудрит над сложной деталью – разве не думает? Пусть попробует интеллигент обработать лопатки двигателя ПС-90а, и он сразу поймет, что рабочие тоже заняты умственным трудом.

Как же быть?

7. Абстрактный и конкретный труд

Маркс определяет абстрактный и конкретный труд в связи с категорией стоимости в 1-м томе «Капитала»

<http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1-01.html#c1.1>

Однако есть и вторая, более важная абстрактность (и, соответственно, конкретность) труда. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс пишет о монотонном, оупляющем, обезличивающем труде рабочего. Это и есть абстрактный труд – в отличие, скажем, от конкретного (творческого) труда физика.

Но в труде и физика, и рабочего присутствуют как абстрактный, так и конкретный труд. Скажем, физик массу времени тратит на монотонные, абсолютно нетворческие операции, а, напр., наладчику гироскопов для ракетных систем залпового огня не обойтись без моментов творчества. Но конкретный труд в труде физика доминирует, он определяет весь его труд.

Отсюда разница между интересами рабочих и интеллигентов – для одних важно сократить рабочий день, для других – продлить, т.к. работа интересная. Потому в «Критике Готской программы» Маркс и пишет, что при коммунизме будет преодолено старое общественное разделение труда, в первую голову – противоположность между умственным и физическим трудом.

См. Приложение

См. Дробление труда. Частичный труд. Интенсивность труда

8. Что такое государство?

Государство – это орудие подавления одного класса другим. Но у государства есть еще одна функция – предохранения враждующих классов от взаимного пожирания (Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Пример – Франклин Рузвельт ограничил сверхприбыли олигархов во время депрессии 1929-1933 гг. Сегодня государство в РФ настолько слабо, что не в состоянии выполнить вторую функцию – Россия вымирает. Но нет стремления и выполнять первую – буржуазия в РФ еще не вызрела, как класс-для-себя, т.е. у нее еще нет единых интересов, для своей защиты она лишь городит трубу в обход Вентспилса и пр., а протекционистские меры ей пока побоку. Буржуазия в России еще класс-в-себе.

Государство – это структура, которая существует лишь при наличии антагонистических классов. Государство всегда действует в интересах господствующего класса. Социалистическое государство, государство диктатуры пролетариата – тоже буржуазная структура. Маркс в «Критике Готской программы» указывает, что в таком государстве сохраняются буржуазные отношения неравенства.

Чем же социалистическое государство (или диктатура пролетариата, что то же самое) отличается от обычного капиталистического государства? Тем, что оно с момента возникновения начинают отмирать (см. работу Ленина «Государство и революция»). Однако государство в СССР не собиралось отмирать, оно только усиливалось. Значит, никакого отличия государства в СССР от любого другого капиталистического государства НЕТ.

9. Что такое способ производства, общественно-экономическая формация, общественный строй, базис и надстройка?

Способ производства — исторически определённый способ добывания материальных благ, необходимых людям для производственного и личного потребления, т. е. общественное производство на определённой ступени исторического развития, характеризующееся определённым уровнем развития производительных сил и соответствующим этому уровню типом производственных отношений. Иначе говоря, **способ производства — это исторически определённое диалектическое единство производительных сил и производственных отношений** — двух сторон производства, выражающих отношение людей к природе и друг к другу. Причём это такое единство, которое устойчиво воспроизводит предпосылки собственного существования, является органическим целым.

Две стороны способа производства находятся во внутреннем взаимодействии; **главенствующая роль принадлежит производительным силам**, от уровня развития которых зависит характер производственных отношений. Изменения в отношениях собственности, **характере соединения рабочей силы со средствами производства**, формах связи между производителями, классовой структуре общества, мотивах и целях хозяйственной деятельности, которые специфичны для каждого способа производства, диктуются в конечном счёте развитием производительных сил, отражающих степень господства человека над природой.

Иначе говоря, способ производства – это **способ соединения рабочей силы со средствами производства**. При капиталистическом способе рабочая сила соединяется со средствами производства через посредника – буржуазию, собственника средств производства.

Производительные силы - это система субъективных (человек) и вещественных элементов, средств труда, осуществляющих «обмен веществ» между человеком и природой в процессе общественного производства.

«Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 359).

Средства производства – это средства труда и предметы труда.

Предметы труда – включают природное вещество (уголь, нефть, газ, древесина, глина, рыба, птица и пр.) и сырье, которое уже подвергнуто предварительной обработке (руда, металл, микрочипы и пр.), иначе говоря – комплекующие.

Предметы труда – то, что подвергается воздействию человека в процессе общественного производства.

Средства труда переносят свою себестоимость на продукцию по частям по мере износа, а предметы труда - в течение одного производственного цикла.

Средства труда – это **инфраструктура** производства (сооружения, дороги, каналы, средства транспорта, связи и пр.), **орудия** труда (занимают ведущее место в средствах труда, это машины, механизмы, оборудование, инструменты, **непосредственно воздействующие на предмет труда**) и **условия** труда.

Условия труда подразделяются на **естественные и общие** условия.

Естественные условия труда – напр., климат, время суток и пр. Всеобщим естественным условием труда являются земля, воздух, водная стихия.

Общие условия труда - производственные здания, экологические условия (загрязненность, загазованность, задымленность, отсутствие рукавиц и т.п.).

Средство труда есть «... вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 190).

С момента изготовления орудий труда начинается человеческий труд.

Отношения, в которые вступают люди в процессе общественного производства **независимо от их воли и сознания**, называются **производственными отношениями**.

Две стороны способа производства находятся в диалектическом единстве, каждая из этих сторон предполагает другую и не может существовать без другой стороны. Более того, каждая из сторон в себе самой уже содержит свою противоположность и является в известном смысле своей противоположностью:

1) производительные силы на определённой ступени развития обладают специфическим для данной ступени общественным характером, при этом такие производительные силы общественного труда, как разделение и кооперация труда, специализация и концентрация производства и т. п., прямо выступают стороной производственных отношений — технико-производственными (или организационно-производственными) отношениями;

2) производственные отношения, являясь внутренней формой организации производительных сил и двигателем их развития, выступают и как специфическая социальная производительная сила, а в качестве технико-производственных отношений и прямо включаются в производительные силы общества.

Таким образом, каждая из сторон способа производства полагает свою противоположность, реализует самоё себя в своей противоположности.

В диалектической паре (силы – отношения) определяющими являются производительные силы.

В системе условий общественной жизни способ производства занимает определяющее место. «Способ производства материальной жизни, — отмечал К. Маркс, — обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще».

В зависимости от существующего способа производства складывается определённая надстройка (см. ниже). В истории человеческого общества выделяют пять способов производства: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический (первой фазой которого выступает социализм или, что то же самое – диктатура пролетариата). Выделяют также германский способ.

В традиционном сталинистском варианте исторического материализма выделялось пять способов производства: каждому из пяти способов

сопоставлялась общественно-экономическая формация (ОЭФ), с теми же названиями: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Однако длительное время в советской и зарубежной марксистской науке шли дискуссии о т. н. азиатском способе производства (АСП), который по мнению ряда исследователей (школа Деборина) был характерен для восточных обществ на протяжении всего (или большей части) периода от первобытно-общинного до капиталистического способа производства. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М., 1955—1961. т. 48, с.157, т. 46/1, с.462-469, 491). Дискуссию волевым решением свернул Сталин, постановив, что азиатского способа, о котором писал Маркс, в природе не существовало – слишком сильное эхо этого способа отдавалось в СССР.

В противоположность АСП в Европе имела место последовательность из рабовладельческого и феодального способов производства. В случае принятия идеи АСП стройность сталинистской истматовской концепции о способе производства нарушается, так как теперь каждому способу производства уже не соответствовала своя ОЭФ, поэтому идея АСП отвергалась большинством философов, а поддерживалась в основном историками.

И действительно, способ производства и ОЭФ – разные вещи. Способ производства может смениться в одной, двух странах, во всём остальном мире – преобладать предыдущий способ. В сталинистском же варианте способ производства и ОЭФ – просто тождественные понятия.

Общественно-экономическая формация - это **исторический** тип общества, основывающийся на определенном способе производства.

Общественный строй – это категория исторического материализма (в отличие от политэкономии). Это система общественных отношений, свойственных данному обществу на конкретном этапе его развития. В отличие от государства и права охватывает все социальные отношения и взаимосвязи. То есть, это совокупность производственных отношений (базиса) и надстройки. Название строя – по базису, который определяется производительными силами.

Базис и надстройка – также категории исторического материализма, обозначающие общественные отношения исторически определённого общества как целостную систему, в которой материальные отношения представляют его реальный базис, основание общества, а политические и идеологические отношения — надстройку, вырастающую на данном базисе и им обусловленную.

Базис общества — это совокупность исторически определенных производственных отношений.

Надстройка — это совокупность идеологических отношений, взглядов и учреждений; в неё входят государство и право, а также мораль, религия, философия, искусство, политическая и правовая форма сознания и соответствующие учреждения.

«В общественном производстве своей жизни, — писал Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания.» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 6—7)

Общественную надстройку определяет общественный базис. С разными вариациями: напр., конституционная монархия – при феодализме, королевство, республика - при капиталистическом способе производства, и т.д.

Теперь зададим себе два вопроса: 1) как конкретно зависят надстройка, общественный строй от производительных сил, от базиса? 2) Охватывали ли СССР товарно-денежные отношения? На второй вопрос все, кто жил в СССР, ответят утвердительно. На первый – ответил сначала Маркс за два года до написания «Манифеста коммунистической партии»: «... развитие производительных сил является необходимой практической предпосылкой (коммунизма) еще и потому, что без него обобщается нужда, и с нуждой, а с нуждой снова должна начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна воскреснуть вся старая дребедень.» Но не столько в нужде дело. Ленин уточняет: «Общество, основанное на товарном производстве, стоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма.» (ПСС, Т. 11, С. 37).

10. Что такое революционная ситуация?

По ленинской версии революционную ситуацию отличают следующие основные признаки:

1) кризис «верхов», т. е. невозможность для господствующих классов сохранить своё господство в неизменном виде. «Кризис политики господствующего класса создаёт ту трещину, в которую прорываются

недовольство и возмущение угнетённых классов.» Для наступления революции, отмечал В. И. Ленин, «... обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется еще, чтобы “верхи не могли” жить по-старому».

2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов" (ПСС, 5 изд., т. 26, с. 218). Это обострение может быть вызвано ухудшением экономического положения широких слоев населения, социальным бесправием и обездоленностью масс, резким углублением социальных антагонизмов и др. причинами, вытекающими из противоречий данного строя (например, угроза войны, наступление реакционных сил и др.);

3) значительное повышение политической активности масс (см. там же), «в "мирную" эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими "верхами", к самостоятельному историческому выступлению». Боевые настроения стремительно нарастают, массы буквально рвутся к политике.

«Без этих объективных изменений, - утверждает Ленин, - **независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов**, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность **революционного класса** на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не "упадет", если его не "уронят".»

И Ленин указывает, и поздние справочники не грешат, его цитируя, что субъективным фактором является именно класс, а не партия. Однако уже Сталин подменил класс партией. Троцкисты (скажем, Роберт Кемпбел Джонс из британской группы «Милитант» по сей день уверяют, что, напр., во Франции в 1968-м потому не произошла социалистическая революция, что не было по-настоящему революционных троцкистов из «Милитант», а были плохие из группы Манделя и «Лют увриер», и была плохая компартия. Ленин же четко разграничил партию и класс.

В «Докладе об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса...» он пишет: «Революция 25 октября показала чрезвычайную политическую зрелость пролетариата, выявившего способность стойко противостоять буржуазии. Но для полной победы социализма требуется колоссальная организованность, проникнутая сознанием, что пролетариат должен стать господствующим классом... Вопрос в том – победить или быть побежденным. Нельзя надеяться, что пролетариат деревни ясно и твердо сознает свои интересы. Это может сделать только рабочий класс, и **каждый пролетарий**, в сознании великой перспективы, должен почувствовать себя **руководителем** и повести за собой массы. ...

Пролетариат должен стать господствующим классом в смысле руководства всеми трудящимися и классом господствующим политически.... Управление государством должен взять на себя пролетариат...»

В другой статье: «Социализм – это когда **каждый** после отработки своего 8-часового урока занимается **государственной** деятельностью.» («Очередные задачи Советской власти») Каждая кухарка должна **учиться** управлять государством! И, наконец: «Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. ... социализма не может ввести меньшинство - партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами.» (7-й экстренный съезд РКПб)

Отчего ж не получилось? Ни в 1918-м, ни в 1988-м?

Давайте, отметим смешную деталь: у Ленина *субъективный* фактор стал *необходимым*. То есть, объективным. А в изложении сталинистов, троцкистов и анархистов – более важным, чем прочие объективные факторы. Поскольку они подменили класс партией, получилась замечательная вещь: хорошая партия – самое важное, при хорошей партии можно устроить социалистическую революцию и при феодализме. Нам не нужно разбирать более грубую ошибку Сталина, посмотрим, в чем ошибся Ленин.

Он сделал акцент на настроении масс, которое не может длиться в течение пятилетки. Акцент на силе революционного действия, дабы что-нибудь сломать. Поэтому этот фактор и субъективен.

В начале своего возникновения рабочий класс раздроблен, «атомизирован», как на фабрике-заводе, так и в стране. Это класс номинально, количественно, как говорят (в терминах Гегеля) – класс-в-себе. Рабочий класс, в котором вывели единые интересы – качественно иной, как говорят – класс-для-себя. Если эти интересы вывели: можно свалить старое

правительство. А сломать старую государственную машину и заменить ее новой, социалистической?

Но ведь диктатура пролетариата – не столько в ломке, сколько в строительстве. **Как только мы это указали, фактор революционности класса перестает быть субъективным. Он становится объективным. Более того: самым важным среди объективных.** Этот фактор указывает на уровень производительных сил в стране и его самой важной части – трудящихся. Мы теперь понимаем, что рабочий класс может становиться классом-для-себя не только к моменту социалистической революции, но и к началу всеобщих забастовок за повышение зарплаты, за лучшие условия продажи рабочей силы. Чтобы рабочие стали таким классом-для-себя, чтоб взять в руки управление страной, нужно кое-что еще: **их способности к этому.**

1) Для начала рабочие должны быть сплоченными.

По сей день руководители компартий так и думают, что из класса-в-себе в класс-для-себя затаскивает рабочих именно партия, а источником сплочения класса является его членство в партии.

На самом деле рабочие потому класс, что есть классообразующая база: производство. Именно оно сплачивает – вспомните шахтеров. Именно оно генерирует единство интересов (а не одинаковость, типа у 100 000 человек в городе в ванной течет). Если производство разрушено, никакие социалистические идеи никакими массами никогда не овладеют.

2) И второе: рабочие должны быть готовы к управлению. Они должны овладеть отношениями частной собственности на уровне завода, города, страны – без этого и мечтать об отмене частной собственности не приходится. Для этого овладения нужно, чтобы у рабочих было минимум **высшее образование.** Для этого нужно, **чтобы капитализм потребовал рабочего с высшим образованием, не просто для заводского экспериментального КБ, а для всей экономики в целом.** Вот уровень той революционной ситуации, которая сможет закончиться мировой социалистической революцией.

Заметим одновременно, что и рабочий контроль за госчиновником невозможен без высшего образования. Бакунин же говорил, что буржуазии для удержания своего господства достаточно одной привилегии – образования.

См. Приложение

11. Что такое революция?

Когда развитие производительных сил приходит в противоречие с отжившими производственными отношениями, между ними происходит конфликт. Этот конфликт называется революцией. Единство производительных сил и производственных отношений называется способом производства. Важнейшим таким отношением является способ соединения рабочей силы со средствами производства. Капиталистический способ – это соединение через посредника, капиталиста. Революция приводит к изменению способа производства.

Ни революция 1917 года, ни обрушение экономики СССР в 90-х не изменили ведущего способа производства. Тем не менее, революция 1917 г. явилась социалистической. Но не только по движущим силам (рабочему классу), как отмечал Ленин. А по принадлежности революции к началу эпохи социалистических революций, которые могут не закончиться сменой способа производства а данной стране, зато делают вклад в смену всей общественно-экономической формации, т.е. в мире.

Движущей силой в изменениях 90-х годов явилась элита КПСС.

Революцию, утверждали Маркс, Энгельс, Ленин, нельзя совершить когда угодно, на любом уровне производительных сил. Обратного мнения – сталинисты, анархисты, троцкисты.

См. Приложение

12. Что такое диктатура пролетариата?

По Марксу диктатура пролетариата – то же самое, что и социализм, это переходный период от капитализма к бесклассовому обществу – коммунизму. Сталинисты приписывают Марксу и Ленину разделение социализма на период диктатуры пролетариата и собственно социализм.

В 1923 г., когда Ленин лежал больной в Горках и не мог повлиять на события, XII Съезд РКПб зафиксировал редкую чушь: «Диктатура пролетариата выражается в форме диктатуры партии.»

«Но диктатура класса, - поясняет Плеханов партийным баранам, - как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непродуцированных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни.

Одно понимание этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от

буржуазных предрассудков и **умеющий самостоятельно обсуждать свое положение.**

Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но **такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям.** Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить **самостоятельным деятелем** на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного **опекуна** к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что **такая опека была бы вредной**, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская шноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее **«железный канцлер» или революционная организация.»** («Социализм и политическая борьба»)

Троцкий пишет, что рабочий класс в России представляет собой хаотическую массу. Ленин утверждает, что нет никакой диктатуры пролетариата, ситуация в стране определяется тончайшим слоем партийного руководства человек в пятьдесят.

Но если не было диктатуры – значит, по определению Маркса – не было и социализма.

См. Приложение

13. Какие отношения между партией и классом?

Субъекты истории – не цари, не генсеки и не партии, а классы. Партия класса – вторична. У сталинистов партия первична, следовательно, сталинисты – идеалисты, а идеализм – философия буржуазии.

См. приложение.

14. Что такое социализм?

По определению Ленина социализм – это государственная собственность на основные средства производства **ПРИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА.**

Класса, а не партии. Однако уже в 1923 году, когда Ленин лежал в Горках и не мог повлиять на события, 12-й съезд РКПб принял скользкое положение, что «диктатура пролетариата выражается в форме диктатуры партии». Идеологи такого поворота основывались на «теории» авангарда: «Рабочий класс неоднороден, есть отсталые элементы. У него есть авангард, партия же – лучшая часть этого авангарда.» Но какую часть класса составляет авангард? Если меньшую, тогда рабочий класс попросту не готов взять и удержать власть. Меньшая часть не имеет права выступать от имени всего рабочего класса. Меньшая часть означает, что в рабочем классе еще не созрел общий коллективный интерес, в том числе политический интерес, он его еще не выражает. А вместо него бегают выражают разнообразные жадные его представители. Если же большую часть, то такому рабочему классу не нужен надсмотрщик и поводырь в виде партии. Он сам выразит и реализуется свой интерес.

Социализм – это не власть народа, т.к. буржуазия – тоже народ, не киберы же. Это власть большинства рабочего класса. Маркс, Энгельс, Ленин определяют социализм как самоуправление, как живое творчество масс – в экономике. Следовательно, социализм – это отмирание института найма.

От анархии социализм отличается тем, что государство отмирает не сразу, постепенно, а интересы отдельных трудовых коллективов согласуются в Советах.

15. Что такое капитализм?

Капитализм – это новый общественный строй, более высокий по уровню, чем феодализм. Он возник в результате борьбы классов. Борьба противоположностей разрешается тем, что в обществе возникает новое качество. Этим качеством стало возникновение особого товара – рабочей силы. Это такой товар, при продаже которого возникает дополнительная, прибавочная стоимость.

Следовательно, капитализм – это такой строй, при котором рабочая сила становится товаром. При капитализме возникает особая система – система найма рабочей силы.

Класс капиталистов и буржуазных институтов, служащих капиталу, Маркс называл совокупным капиталистом.

Чем плох капитализм, кроме того, что это эксплуататорский строй? Почему эта система себя изживает? Почему Ленин говорил, что революционная ситуация – когда «верхи не могут, а низы не хотят»?

Низы не хотят, чтобы их эксплуатировали, не хотят быть винтиками в механизме, не хотят, чтобы труд делал из них обезьяну, обезличивал.

А верхи почему не могут? Потому что рост производительных сил вступает в противоречие с отжившими производственными отношениями. В чем это выражается? В том, что аппарат управления не в состоянии охватить всё богатство экономических связей.

Примером того, как верхи не справлялись с управлением является ситуация в СССР в конце 80-х. Что привело к краху КПСС и распаду системы.

16. Чем социализм отличается от капитализма?

В политической сфере – власть принадлежит не президенту, не парламенту, не генсеку, не партии, а Советам. Они отличаются от парламента тем, что функционируют по принципам Парижской Коммуны: 1) оплата депутата – на уровне оплаты квалифицированного рабочего, 2) регулярная сменяемость депутатов, 3) контроль за депутатами снизу.

Советы – это орган, который является не законодательной, а исполнительной властью. Это орган-исполнитель грамотной воли трудящихся.

В экономической сфере – во-первых, планирование осуществляется не узкой социальной группой (капиталистами или парт-гос-хоз-номенклатурой), а широкими массами. Те, кто трудится, те и планируют. План не спускается сверху, а строится снизу. Орган согласования интересов трудовых коллективов – Советы.

Во-вторых, это такая экономика, в которой революционно преобразован труд: прежнего рабочего заменил новый рабочий, с высшим образованием. Таким образом, рабочий класс перестает существовать. Вместе с «отмиранием» рабочего класса отмирает социалистическое государство. Отмирание – главный признак социалистического государства.

16. Какой строй был в СССР?

Никакой власти рабочего класса в СССР не было, была власть партийной элиты.

Поскольку в СССР преспокойно существовал институт найма, т.е. рабочая сила была товаром, в СССР – по определению – был капитализм.

Совокупным капиталистом выступало государство, парт-гос-хоз-номенклатура.

17. Кто такой Сталин?

Сталин – главный распорядитель. Значит – главный собственник. Значит – главный капиталист.

Говорят, Сталин был скромен в быту. Но многие капиталисты скромны в быту. Скажем, один из ведущих миллиардеров мира, Карнеги, был крайне скромен в быту, всю жизнь ходил в недорогом костюме. Но он от этого не перестал быть капиталистом.

В южных республиках СССР богатеи всегда ходили в задрипанных халатах, Но они же не стали от этого бедняками.

Говорят, у Сталина были ошибки, но в целом-то всё нормально. У Сталина были не ошибки. Он действовал так, как устроено его капиталистическое бытие, а значит, и его капиталистическое сознание. Он был олицетворением своего класса капиталистов-управленцев. Потому-то он и держался за свою власть. Сталин во имя собственной власти предал дело рабочего класса, извратил марксизм-ленинизм, распустил Коминтерн, уничтожил свыше 5 млн невинных советских людей.

18. Какова сущность КПСС?

Поскольку элита КПСС являлась собственником, следовательно, являлась совокупным капиталистом, то феномен КПСС – это стандартное совмещение политических (властных) и собственнических функций. Как политическая партия КПСС, следовательно - обычная буржуазная партия. Единственное отличие – коммунистический бантик, название.

19. Что произошло в 1991-м – 1993-м годах?

Элита КПСС расхотела заниматься хозяйственными делами. Она передала это дело в частные руки. Отказалась от распоряжения системой ЖКХ, медициной, образованием. Себе же оставила наиболее прибыльные куски – нефть, газ, никель, розничную торговлю и т.п. Элита КПСС реализовала свои собственные интересы. Она легализовала своё положение совокупного капиталиста. Сконвертировала свою власть в доллары, тем самым ограбив население.

Посмотрите, кто сегодня капиталист – это либо элита КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС, МВД, КГБ, министерская элита, либо дети этих элит.

Конечно, в СССР люди жили много лучше. Конечно, жители России хотели бы вернуть прежние времена. Но они не могут заставить сегодняшних капиталистов, вчерашних членов КПСС, ВЛКСМ и т.п., отказаться от своих капиталов и снова заняться прежней работой.

20. Как возникла КПРФ?

КПРФ образована на II чрезвычайном съезде коммунистов России (13—14 февраля 1993 г.) как восстановленная Коммунистическая партия РСФСР. Количество региональных отделений — 81, в 1999 году партия

насчитывала примерно полмиллиона членов. На июньском (2006) пленуме ЦК КПРФ Геннадий Зюганов констатировал, что партия насчитывает лишь 184 тысячи членов, в 2012 г. - лишь 156 528.

Между прочим, КПСС (и КП РСФСР) запрещена, однако ее полная преемница КПРФ преспокойно существует, без всяких треволнений – и понятно, почему. Она угодна власти.

Однако из чего изначально состоял костяк КПРФ? Не руководство, которое перетекло из созданной в июне 1990-го компартии РСФСР как оппозиции ЦК КПСС, а именно костяк? Заметьте: учредилка – в феврале 1993-го, а в 1992-м – массовая остановка заводов. Основой партии стал директорский корпус. Который сначала, после того, как глава Ассоциации директоров СССР Тизяков поддержал ГКЧП, объявили красным, но который в 1993-м поддержал Ельцина.

Весьма любопытна финансовая сторона деятельности КПРФ.

В 2006-м в партию поступило в виде денежных средств на осуществление уставной деятельности: 127 453 237 рублей. Из них: 29% — поступило за счёт членских взносов; 30% — средства федерального бюджета; 6% — пожертвования; 35% — другие поступления. Т.е. власть финансирует КПРФ более, чем сами члены партии. Весьма также любопытна статья: другие поступления. Ведь это больше трети, такие суммы необходимо расшифровывать.

В 2006 году партией было израсходовано 116 823 489 рублей. Из них: 5% — на содержание региональных отделений; 21% - на пропагандистскую деятельность (информационную, рекламную, издательскую, полиграфическую); 10% — содержание руководящих органов; 7 % — подготовку и проведение выборов и референдума; 36% — содержание издательств, СМИ, образовательных учреждений.

Как видим, руководство себя не обделяет, себе в карман кладет вдвое больше, чем отпускает в регионы, в полтора раза больше, чем расходует на выборы.

В 2008 году деятельность КПРФ на 70% была профинансирована из государственного бюджета РФ. Согласно отчётному докладу ЦКРК КПРФ на XIII съезде партии, за 10 месяцев 2008 года общая сумма поступлений составила 148 млн р., в том числе 8 млн р. отчислений членских взносов, 36 млн р. — добровольные пожертвования и 106 млн р. — бюджетное финансирование за голоса избирателей, полученные КПРФ на думских и президентских выборах.

Расходы КПРФ в 2008 году составили тоже 148 млн р., из них 81,5 млн потрачено на проведение выборных кампаний, 31,5 млн — на издание печатной продукции и газету «Правда», а **23 млн р. на приобретение недвижимости**, которая теперь имеется у партии в 22 регионах. 19 октября 2008 года лидер КПРФ Геннадий Зюганов обратился к гражданам России с просьбой материально поддержать партию в реализации её программных целей.

Обратим внимание, что в 2006-м было собрано 37 млн членских взносов, а в 2008-м — лишь 8 млн р., но тут власть протянула руку дружеской помощи оппозиционной КПРФ!

Теперь понятно, почему КПРФ выступает за сотрудничество с РПЦ. Ведь РПЦ является подчиненной Кремлю структурой.

В 2004 году после исключения из партии главы НПСР Г. Семигина оппозицию Геннадию Зюганову как руководителю КПРФ возглавил секретарь ЦК КПРФ, губернатор Ивановской области Владимир Тихонов. В результате 1 июня 2004 года в Москве прошли два XVI Пленума ЦК КПРФ, а 3 июля — два X съезда партии. Проведённый оппонентами Зюганова съезд Министерство юстиции позже признало нелегитимным. Владимир Тихонов вместе со своими сторонниками (С. Потапов, Л. Иванченко, Т. Астраханкина) был исключён из КПРФ, создал новую коммунистическую партию — Всероссийскую Коммунистическую партию будущего — и занял в ней пост председателя политбюро ЦК.

После раскола члены ВКПБ в своих программных выступлениях так пояснили причину произошедшего: «Наибольший вред коммунистическому движению России в её постсоветской истории, принесло прямое предательство интересов трудящихся целым рядом руководителей крупнейшей в России на тот момент партии. Прикрывшись социалистическими лозунгами, эти руководители на деле подменили коммунистическую идеологию на реакционную, не имеющую с социализмом ничего общего. Карл Маркс назвал подобную идеологию, в которой смешаны идеи пещерного социализма и религии, патриархальная риторика и националистические установки — «реакционным социализмом». Это течение, разоблачая очевидные проблемы сегодняшнего криминального капитализма, ищет, в то же время, свой идеал в патриархальности. Его ориентиры — слияние «белого» и «красного», «общинность, соборность, народность», великодержавность, отказ от интернационализма, заигрывание с церковью. Их идеологическая опора — традиции славянофильства, русских религиозных и белоэмигрантских философов. Играя на

оскорблённых социальных и национальных чувствах русского народа, это направление серьёзно дискредитирует коммунистическое движение и создаёт питательную почву для заражения его национал-коммунизмом.»

В июле 2005 года ВКПБ лишилась регистрации. Еще бы! Зачем власти реальная оппозиция.

Кроме КПРФ, в стране есть ВКПб и РПК-РКРП. Любопытно, что вся РПК-РКРП клянет КПРФ как оппортунистическую, при этом Тюлькин, а ранее Анпилов, регулярно проходили в Думу по спискам КПРФ

На выборах в 1996 году Геннадий Зюганов проиграл Борису Ельцину (32 % против 35 % в первом туре, 40 % против 54 % во втором). Как признался впоследствии главный аналитик телеканала НТВ, телевидение активно использовало технологии манипуляции сознанием в пользу Ельцина. Данные выборы многие считают сфальсифицированными. Тем не менее, Зюганов поздравил Ельцина с победой на президентских выборах, что вызвало непонимание у части представителей левого движения. Сам Г. А. Зюганов объясняет это тем, что «народ не был готов активно защищать его победу».

21. Как на практике проявляется буржуазная сущность КПРФ?

Пишет Сергей Пчелинцев, член Центрального Координационного Совета Движения в Защиту Детства: «В начале июля мы были приглашены в Москву человеком из КПРФ, из Гос. Думы, называть которого не станем. Вопрос заключался в финансовой помощи семье Фроловых, у которых опека и суд отняли детей. Пригласили нас сами, и сами предложили помощь, в размере 20 тыс. р., на адвоката для защиты Фроловой. Приехав на следующий день в Москву, мы со старшим товарищем созвонились с человеком, который эту помощь предложил, и встретились возле Гос. Думы. Ранее мы подали письмо на имя Председателя Фракции КПРФ в Гос. Думе Г. А. Зюганова. Резолюция на письме и подпись лично Зюганова - о том, чтобы выделить помощь Фроловой на 20.000 р. Взяв письмо, мы поехали в ЦК КПРФ. Лучше бы мы туда не ездили. Мало того, что нам пришлось ждать три часа, пока один из финансовых боссов КПРФ, некто Пономарев Алексей Алексеевич, появится в ЦК. Но самое неприятное нас ждало впереди.

Как только мы появились на приеме у Пономарева, как услышали, что мы и проходимцы, и то, что ходим-побираемся, и что нас надо в шею гнать. И вообще типа: ходят тут всякие. Это нам стала хамить главный бухгалтер. Но еще больше удивил сам Пономарев. Он так и сказал, что это народ

ДОЛЖЕН помогать КПРФ, и что он, Пономарев побольше, чем мы, сдал взносов и оказал помощи партии. И что мы еще должны на выборах всем родительским составом бежать и собирать голоса для партии. И что вообще эту бумагу Зюганову подсунули нерадивые помощники – доброхоты, и тот сослепу подписал. ... Но на этом все не кончилось. Мы стали звонить в Гос. Думу и спрашивать, что это за хамство и отношение? Сами помощь предложили, сами пригласили. А в ответ – типа, вроде, извините, у нас ошибка вышла, перепутали порядок. Напишем постановления и, может, снова вам позвоним.

Но конец этого всего нас вовсе ошеломил. На наш вопрос - "Что нам делать далее? Нет средств уехать назад, нет продуктов, нет места для ночлега". Нам дали ответ: "Ну, придумайте что-нибудь, как-нибудь сами выберите".»

Россиянина спрашивают, видел ли он хоть когда-нибудь, чтобы депутат от КПРФ кому-то помог? Вообще в жизни между выборами он хоть раз видел депутата от КПРФ? Нет, говорит россиянин, не видел. А помощь ему от КПРФ когда-либо была? Нет, не было никогда никакой помощи. Ни уволенным, ни пенсионерам. Ни трудовым коллективам.

А что за работа такая партийная у КПРФ? Ходит ли она по заводам, беседует ли с рабочими, вникает ли в их нужды? Нет, не ходит. Только пищит за социализм на митингах.

Россиянину говорят, что в Перми КПРФ тянет в партию врагов, буржуев, Березина, Макарова, Кузьмицкого, пивного короля Окунева по своим спискам вела. Что первый глава пермской КПРФ Мальцев был пассивным педерастом, еще, когда преподавал научный коммунизм, это весь университет знал. Денег у него было немеряно, ими он щедро одаривал любовников. Второй, Перхун, еще в советское время разворовал партийную кассу, а 17 тыс. долларов, которые дала ему член КПРФ, жена банкира Федянина, потратил на евроремонт квартиры. Перхун сменил Милюков, который свой депутатский мандат продал «Единой России». Теперь пермскую КПРФ возглавляет Корсун, который защищает капиталиста Кузьмицкого.

От пермской ячейки КПРФ всегдашний депутат ЗС, еще будучи гендиректором порохового завода им. Кирова - Геннадий Кузьмицкий. Который палец о палец не ударил, чтобы обезопасить от диоксинов население Перми при утилизации ракет. Еще один «активист» местной КПРФ имеет в Верхней курье дачу. Когда уезжал с дачи, из соображений безопасности имущества всегда оставлял включенной на полную громкость

клубную музыку. На радость соседям. Судиться с ним пробовали, добыли акт санэпидстанции по шуму – да где там.

В марте 2011 г. на выборы в Гор. Думу пермская КПРФ подобрала звездный состав кандидатов. Например, Алексей Черных, глава канувшего в Лету профсоюза кооператоров «Солидарность». Перед выборами срочно стал членом. Некогда записался в садово-огородный кооператив в Орджоникидзевском р-не Перми. На выездах из кооператива построил два домика. Выезд стал невозможен, бабушки-огородницы подавляющим большинством исключили Лешу и подали в суд. В кулуарах суда Леша кричал старушкам: «Я вам пулю в лоб пушу, я на вас мафию натравлю!» Суд приговорил убрать домики. Тогда Леша поставил их на колесики: придет проверка – откатит домики, уйдет – снова прикатит. Как-то прикупил подвал дома на ул. Лебедева, стал перестраивать, выкорчевал несущую стену. Дом сложился, как карточный. Как Черных удалось уйти от тюрьмы – хрен знает.

Губернатор Курской области Александр Михайлов вышел из КПРФ в 2004 году и перешел в «Единую Россию».

Точно так же Амана Тулеева избрали губернатором Кемеровской области от КПРФ. Шахтеры его поддержали. Тулеев стал олигархом, устроил завод по производству чипсов, а шахтеры клацнули зубами около куска колбасы. Потом Тулеев вообще ушел в «Единую Россию».

Ленинградская КПРФ поддержала ликеро-водочного короля Сабадаша, когда тот захватывал Выборгский ЦБК, чтобы уволить 1500 рабочих. Сабадаш призвал на помощь «Тайфун», тайфуновцы стреляли в рабочих. Женщину из профкома, бросившуюся на защиту одного рабочего, избили, переломали ей дубинками ребра, облили из шланга и поставили «сушиться» в окно. В октябре месяце. Ленинградская КПРФ выступила против захвата рабочими завода!

Ткачева избрали от КПРФ губернатором Краснодарского края. Ткачев стал крупнейшим в Европе землевладельцем, развел у себя под боком станицы кушевские, пригрел в Сочи криминальный бизнес.

Но, сомневается россиянин, это на местах. А вот Зюганов-то наш любимый... Тогда россиянину говорят, что Зюганов точно так же тянет в свою партию буржуев. На одном съезде КПРФ в президиум сели жирные бизнесмены с двойными подбородками, чуть ли не ноги на стол положили и сказали: «Нам нужны депутатские кресла, нужна неприкосновенность нашего бизнеса, неважно, под каким бантиком». После чего численность московской и ленинградской ячеек КПРФ сократилась вдвое, так проняло!

Криминальный олигарх Мэлс Боромбаевич Бекбосынов прошел в 2005-м в Госдуму по спискам КПРФ от Башкортостана. Но отгеснили вора Муртазу Рахимова, начальника Башкирии, и в декабре 2011-го КПРФ засунула Бекбосынова в свои списки от Пермского края. Когда про Бекбосынова рассказали на ТВ, да еще процитировали слова главы пермской КПРФ Корсуна, что он не знает, кто к нему засунул Бекбосынова, и что тот ни черта на счет пермской ячейки не перечислил, память о Бекбосынове стерлась в подчиненном Кремлю информационном пространстве...

Россиянину говорят: КПРФ уже была у власти. **В 1995-м у КПРФ имела 139 мест в Госдуме, она оставила далеко позади партию власти – черномырдинский «Наш дом – Россия» – с 65 местами.** Председателем Госдумы назначили Селезнева, от КПРФ. И что, съели?

Оказывается, сколько ни говори – всё вылетает у россиянина из башки, ни хрена он не помнит, он снова хочет голосовать за Зюганова!

Но ведь Зюганов хочет всё национализировать, передать в руки государства, не унимается россиянин. Ага, из рук одних воров передать в руки других воров – государственных чиновников... Только баран не понимает, что КПРФ – карманная оппозиция.

22. Социальные спарринг-партнеры

Впрочем: идет непрерывная генерация партий власти. Точнее, партий, приданных партии власти. Сначала ЛДПР, как символ недовольства всем и вся. Изначально КГБ поручил Жириновскому ответственную задачу – выступить в защиту ГКЧП. Когда власть переменялась, Жириновский служил Ельцину «торпедой», т. е. подставой – на первых выборах президента, дабы отобрать голоса у возможных конкурентов типа Рыжкова-старшего. Как ныне политкорректно обозначают это надувательство избирателей – служил спарринг-партнером.

Затем оказалось, что голосовать за Жириновского – как голосовать против всех, и ЛДПР набрала удивительно большое количество мест в Госдуме (ГД) – 59 из 450. Партий была прорва – «Женщины России», шахраевское единство и согласие – ПРЕС, травкинская ДПР (исчезнувшая сразу, как только Травкин получил место во власти), «Яблоко», Аграрная партия России. Посему партия власти, гайдаровский «Выбор России», получила лишь 40 мест, а КПРФ – всего-то 32. КПРФ была ещё неактуальна. Зато Запад серьезно поверил, что ЛПДР – это коричневая чума! И озаботился, и зачесался. Наивные...

К 1995-му население уже до конца осознало, на какие грабли наступило. И кинулось в обратном направлении. В первую очередь – обманутые шахтеры. «Демократа» Кислюка в Кемерово сменил аппаратчик КПСС, бывший руководитель региона Аман Тулеев, над которым смеялись еще в 1991. «Выбор России» преобразовался в «Демократический выбор России» и занял 6 мест. Правда, «Яблоко» набрало вдвое больше – 45 мест. **А КПРФ – 139, оставив далеко позади новую партию власти – черномырдинский «Наш дом – Россия» – с 65 местами.**

Бесхозными болтались партия чиновников, «Регионы России» (45 мест), «Народовластие» (41 место), поднявшиеся полностью подконтрольные аграрии с Башмачниковым во главе (35 мест) и 19 нефракционных депутатов. Да, у ЛДПР – 49 мест, уже на 10 мест меньше.

Естественно, при таких делах председателем Госдумы стал Геннадий Селезнев от КПРФ.

К тому времени население сумело (на удивление) усвоить еще один урок: **все партии заняты исключительно одним – собой.** И на население партиям, собственно, плевать. Оно пока не догадывалось, что КПРФ ничем в этом плане не отличается от других партий, разве что идеологическим бантиком. И не догадывалось, какой сюрприз им готовит элита. В Перми прокурор Валентин Степанков создал фонд «Пульс», якобы для борьбы с наркоманией. Собрал деньги и стал депутатом ГД, намного опередив партийных кандидатов. Разумеется, фонд после этого мгновенно исчез, как и травкинская Демпартия России. Много позже избиратель поймет, что любой, идущий во власть, работает только на себя, а само депутатство – просто вид бизнеса. И укрепитесь избиратель во мнении, что **любая пропаганда, даже рабочего движения, вообще любая правда – заказная. Раз пропагандируют – значит, на кого-то там наверху работают.**

Продолжим. Ну, стала КПРФ парламентским большинством. Пусть даже очень большинством. 139 мест, почти 31%. Да еще при своем председателе ГД. Что изменилось? Кончились «лихие 90-е»? Нет. Они продолжались. Шел 1995 год. Впереди был дефолт в 1998-м. Ничего не изменила КПРФ. Не смогла. Госдума – это парламент, а во всех странах правит не парламент, а капитал. Но даже использовать «парламентский хлев», как советовал Маркс, КПРФ не сумела.

Этот урок страна не усвоит вплоть до выборов 2011 года. Хотя страстная тяга к КПРФ – в виду бездействия КПРФ – поиссякнет, останутся 150 грамм с конфеткой после работы, лень и надежда на дядю.

Итак. КПРФ – достаточно шовинистическая, антисемитская организация, и в Перми, и в Ставрополье. Вот в такой-то организации – разочаровались. И не только рядовые неполитизированные граждане. **Но и рядовые шовинисты.**

Затем исчезает «Наш дом – Россия», на выборах в 1999 г. партия получит лишь 1,2 % голосов – именно такое возникает отношение к власти. Потому вместо неё возникает «Единство». Советская номенклатура никак не может совместить прежние заслуги с новой демократией. Новая демократия, в свою очередь, всё более осознает, что без прежней номенклатуры она – пустое место. И никакие Оксфорд, Кембридж и Гарвард ей не помогут. Некоторые до сих пор не могут это осознать. В Перми сын уголовного авторитета Поповича, Александра Попова, закончил Гарвард, отец подарил ему магазин «Темп», сын сумел довести магазин до ручки и был вынужден продать его местному пивному королю Константину Окуневу.

В 1999 г. КПРФ после дефолта снова стала большинством в ГД – 24,3% плюс 2,2 % у партии «Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз», плюс 0,6 % у сталинского блока «За советский Союз», плюс еще по долям процента от каждого из десятка антилиберальных образований.

У «Единства» поменьше – 23,3 %. «Отечество – вся Россия» – 13,3 %. Демократы вместе с «Яблоком» (5,9 %) и Союзом правых сил (8,2 %) откатились на задворки истории. **ЛДПР вообще сошло на «нет» – 6 %.**

Однако «Единство» собрало вокруг себя бесхозные политобъединения и поделило власть с КПРФ. Председателем (по-ихнему спикером) остался Селезнев. Премьером стал отдельно стоящий Примаков, вместе с КПРФ-овцем Масляковым они умудрились выдоить олигархат и выплатить долги по зарплатам и пенсиям. Примакова стали прочить в президенты. Он бы и стал президентом. Перед такой опасностью «Единство» объединяется со своим врагом – «Отечество – вся Россия» Лужкова. Совместно с «Регионами России» они вытесняют Примакова и образуют «Единую Россию» («ЕдРо»).

К следующим выборам 2003 г. «ЕдРо» основательно подготовилось. Практика показала, что ЛДПР с поставленной Кремлем задачей – отбирать голоса у КПРФ – не справляется, она со времени взлета потеряла сначала 10 мест, потом еще... Аналитики уж было принялись обсуждать закат звезды Жириновского. Что, собственно, мог предложить доктор философских наук? Повторять, как испорченный проигрыватель, «вы 70 лет нас душили-

душили...» – и всё. Поэтому по мере того, как буржуазия и буржуазия во власти, т. е. чиновники, разворовывали страну, и ситуация, соответственно, ухудшалась, ЛДПР требовались новые и новые заменители.

На роль «торпеды» вместо ЛДПР власть срочно состряпала «Родину» с полностью ручным, как ныне политкорректно выражаются, управляемым Rogozinym. Rogozin похвалялся вместе с Глазьевым (агитационный ролик), что не любит олигархов. Теперь, когда Rogozin обрел вожделенное кресло, его нелюбовь прошла, как проходит косой дождь. Народно-патриотический союз «Родина»-«Справедливая Россия» лишь немного отобрал голосов у КПРФ. Вместе с ЛДПР они отобрали себе почти поровну – 36 (ЛДПР) и 37 («Родина») места.

А вот «Единая Россия» набрала оглушительно много: 223 места. **Потому что развеялись иллюзии насчет КПРФ.** Она заняла лишь 52 депутатских кресла.

Поскольку ЛДПР ляжку тянула слабо, поскольку неприкрыто голосовала так, как ей укажут, Кремль слепил из «Родины», «Справедливой России», Партии жизни, Народной партии и части «Единой России» («ЕР») – «Справедливую Россию». И надоела ему чехарда со множеством фракций. В 2007 году в Госдуму вошли «ЕР» (315 мест), КПРФ (57), ЛДПР (40) и «Справедливая Россия» (38). Как видим, партии мало шевелились и приобрели места исключительно за счет исключения прочих.

Могут подумать, что в связи с изложенным создание «Народного фронта» – последовательно, оно не имеет отношения к борьбе между Путиным и Медведевым. Потому и ранний сговор, о котором «задолго» знали журналисты, вполне возможен. Ан нет – всё наоборот. Как раз последние выборы в 2007 году показывают, что у партии власти нет серьезных врагов. Остался только один – население, которое ненавидит «Единую Россию». Но и это не проблема – из-за низкой явки и купленных избиркомов, судов и МВД. Так что «фронт» создавался под Путина, из-за того, что «ЕР» могла поддержать действующего президента Медведева. А как только Путин снова стал президентом, так просел и «Народный фронт». Так что врут журналисты о своей великой осведомленности.

Давайте, еще раз: вот там говорят «толерантность». Вот нам говорят «Народный фронт». Вот вам говорят – коммунисты. А на самом-то деле...

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДИАЛЕКТИКА АБСТРАКТНОГО И КОНКРЕТНОГО В ТРУДЕ Об ошибочном понимании «Капитала» Маркса и об ошибках Маркса (Это чуть трудный материал, его можно при первом чтении опустить)

Кажется, в 1992-м мы в Самаре поспорили с марксистом Элеонорой Никишиной, что я могу написать критику на каждую страничку «Капитала» Маркса. Я не сомневался, что французский коммунист Андрэ Моруа абсолютно прав, когда говорил, что «если бы Маркс воскрес, первое, с чего бы он начал – с критики самого себя».

Дело в том, что в «Капитале» Маркса есть великое множество неточностей, недоговоренностей. В отсутствие диалектико-материалистического метода дискурс ряда таких неточностей-недоговоренностей фатально ведет к либерализму, левачеству, ревизии марксизма, теологии сталинизма.

Вернувшись в Пермь, я начал набрасывать критику на «Капитал» с первых страниц. По независящим от меня причинам работа не была завершена. Поэтому данная статья затрагивает лишь малую часть работы Маркса.

Как Маркс определяет стоимость и потребительную стоимость?

«Полезность вещи, - пишет Маркс, - делает её потребительной стоимостью. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определённость, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения. Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой

потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость представляется каким-то [противоречием в определении]»

И далее:

«Вещи имеют присущее им внутреннее свойство..., «которое везде остаётся неизменным; например, способность магнита притягивать железо. Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность (простим неграмотность Маркса, Б. И.).

Известный товар, например один квартал пшеницы, обменивается на x сапожной ваксы, или на y шёлка, или на z золота и т. д., одним словом — на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, пшеница имеет не одну единственную, а многие меновые стоимости. Но так как и x сапожной ваксы, и y шёлка, и z золота и т. д. составляют меновую стоимость квартала пшеницы, то x сапожной ваксы, y шёлка, z золота и т. д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от неё содержания.

Возьмём, далее, два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартал пшеницы = a центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах — в 1 квартале пшеницы и в a центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине

произведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон: «Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия.»

Всё предельно ясно. Потребительная стоимость – то качество продукта труда, которое его делает полезным нам. Меновая стоимость – то качество, которое позволяет обменивать продукты труда в определенной пропорции. Как же Маркс определяет абстрактный и конкретный труд, а также стоимость?

«Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нём. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определённого производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нём видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости.

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечёмся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость.»

Итак, стоимость — то, что произведено неким трудом вообще, абстрактным трудом. Какая это конкретно абстракция, как она возникает — увидим ниже.

«Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлён, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину её стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимость субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определённых долях времени, каковы: час, день и т. д.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть **одинаковый** человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. **Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил.** Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, **раз она обладает характером общественной средней рабочей силы** и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара

лишь необходимое **в среднем** или **общественно необходимое** рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости **при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.** Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.»

Теперь мы видим, что это за абстракция – труд вообще. Хотя усреднение у Маркса также остается пустой абстракцией, оно не определено и по сей день. Ведь усреднять можно по-разному, кроме среднего арифметического есть среднее геометрическое, среднее гармоническое, усреднение в данный момент, усреднение за неделю или месяц, наконец, можно усреднять с весовыми коэффициентами и т.п. Говорят, что усредняет рынок, но условия рынку диктует монополия, устанавливая цену рабочей силы минимальной, а цену продукта труда – до предела покупательской способности. И это тоже усреднение. Но продолжим пояснения.

«Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода. Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости, все товары суть лишь опеределённые количества застывшего рабочего времени. ...

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда её полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою

собственную потребность, создаёт потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. [И не только для других вообще. Часть хлеба, произведённого средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попом. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведён для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена.]»

А налоги – это не деньги? Здесь Маркс сужает движение товара до единичной операции. А попробуй товарное производство той эпохи проживи без оброка.

И далее: «Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на неё труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.»

- А вот и не так. Общественный труд – не только пространственное, но и временное измерение. Если не платить физикам за **пока** бесполезный труд – трупы не смогут производить труд полезный сегодня. Но капиталист платит физику и за будущую полезность, даже если он сегодня не трудятся с немедленной пользой.

«... на каждой фабрике труд систематически разделён, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты **самостоятельных, друг от друга не зависимых** частных работ противостоят один другому как товары.»

- Запомним, хорошенько запомним эти выделенные слова Маркса, они, вырванные из текста, лягут в основу официальной политэкономии «социализма», когда СССР отождествят с единой фабрикой. Но можно тут же возразить: а замкнутый цикл? А технологическая цепочка? А планета – не фабрика?

Маркс в данном случае определяющим ставит обмен. А он вторичен от производства. Производство же – это разделение труда.

Да, рули на кузова на заводе, производящем грузовики, не обмениваются. Но отдельные японские производители сварочных автоматов – они ведь независимы от завода «Ситроен», где с их помощью

производятся автомобили. В чем особая разница, могли бы производить и рули с тем же успехом.

Если проследить всю цепочку до непосредственного потребления человеком для себя лично – разницы особой нет, либо ты продаешь, либо передаешь товар. Что значит – нет особой разницы? Что разница – в форме обмена. Этот обмен происходит опосредованно.

Это отсутствие особой разницы – и в том, что внутри фабрики есть явный обмен: рабочей силы на деньги. С другой стороны, рабочий, который произвел рули, произвел в целиком собранном и проданном грузовике деньги. Часть этих денег перешла к тому, кто произвел кузов. Т.е. рабочие обменялись внутри фабрики опосредованно.

В процессе глобализации самостоятельные, независимые друг от друга производители становятся всё более и более зависимы, труд всё более и более обобществляется.

Конечно, есть и обратный процесс – дробление общественного труда, и не только в смысле Prais, 1976 (увеличение издержек путем деконцентрации труда для ослабления профсоюзов, о деконцентрации см. [1]), и не в смысле мелкого бизнеса, а в смысле возврата к ремесленничеству, когда производитель становится «свободным художником» - по мере роста количества энергии на единицу рабочей силы. Напр., изготовление автомобилей «под хозяина», не говоря уже о пошиве одежды.

Но каждый уникальный труд вследствие давления крупного капитала снова обращается в массовое производство. С другой стороны, по мере развития технологий – вследствие диалектики абстрактного и конкретного в труде – уникальный труд становится абстрактным, вне всякого давления капитала.

Именно потому, что Маркс поставил обмен во главу угла, в третьем томе «Капитала» он не говорит о необходимости преобразования общественно необходимого труда, а всего лишь мечтает о его сведении при коммунизме к исчезающее малому времени.

Кстати, последствия такого способа производства весьма любопытны: людей почти ничего не связывает друг с другом. Исчезающее малое время дает возможность лениться одним без особого напряжения для других. С другой стороны, и это «исчезающее малое» время может серьезно закабалить.

Ну, вот что пишет Маркс:

«Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного разделения труда.»

- Так вот нет: зависит и качество, и количество. Наряду с дроблением труда идет процесс специализации. Он логически завершается уникальным мастером-золотые руки. Эти золотые руки становятся головной болью собственника средств производства, он стремится подчинить мастера «внеэкономически» (дает в долг, использует трудовое законодательство, спаивает, наконец) или заменить его сложной машиной.

«Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ...»

- Ну, это стандарт, это еще у Ф. Бэкона: «В действии, - пишет Ф.Бэкон, - человек не может ничего другого, как только соединять и разделять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя.» Это, конечно, ошибочно, соответственно уровню времени Бэкона-Маркса. Но даже в то время можно было сообразить, что если не соединять и не разделять, а хотя бы приводить во вращение, тоже можно кое-что получить новенькое.

Продолжим: «Сравнительно сложный труд означает только возведённый в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определённое количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем.

- А труд музыканта или философа? Но мы не можем так делить, что есть два абсолютно непересекающихся типа труда! Запомним это.

Теперь расставим точки над *i*, вот что для Маркса труд абстрактный:

«Большее количество потребительной стоимости составляет само по себе большее вещественное богатство: два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним — только одного и т. д.

Тем не менее, возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собой только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе несколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы.

Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создаёт равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растёт, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а потому и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, следовательно, величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для её производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своём качестве конкретного полезного труда он создаёт потребительные стоимости

- Т.е. в бригаде вы можете сколько угодно судить, кто сколько поработал. А доход ваш определит рынок. Как бы блогер Радик Янахметов не требовал справедливой оплаты, он получит за свою рабочую силу по СТОИМОСТИ. По разряду, по МРОТ, по тарифу. По какому-то отдаленному от тебя среднему, к которому ты непонятно какое касательство имеешь. Тебя сосчитали среди многих, тебе неизвестных. По общественному отношению, не по бригадному. Не по потребительной стоимости, которую и измерить невозможно, не по его старанию. Внутри бригады — твое дело, ты можешь варьировать, можешь учредить

уравниловку для достижения сплоченности бригады, можешь учредить конкуренцию, чтобы побыстрее вымотать товарищей и урвать на первых порах кусок побольше. Но вне бригады твоё желание получить больше наталкивается на желание общества, чтобы ты получил меньше. Т.е. труд твой, конечно, конкретный, ибо производится тобой, конкретным человеком. Но одновременно абстрактный. Его абстрактный характер определяется сферой обмена, которая отчуждает от тебя твоё творение, говорит Маркс.

Потому, и только потому такой политэконом, как англичанин Хиллел Тиктин (а за ним лидер «Праксиса» Алексей Гусев), утверждает, что в СССР не было абстрактного труда. Ибо в СССР не было рынка. Отчуждение продукта труда, разумеется, было. Но того отчуждения, о котором пишет Маркс, которое происходит при **независимых, частных производителях** – не было.

Ну, а не было абстрактного труда, так не было, двойственности, не было и противоречия между ним и трудом конкретным. Все равны, сплошной коммунизм.

Но, во-первых, в СССР существовал не только колхозный рынок, но и конкуренция между ведущими отраслями, в т.ч. в производстве средств производства для производства средств производства. Во-вторых, как мы видели выше, обмен в СССР существовал опосредованно. Но Тиктин и Гусев не понимают, что Маркс исследует только одну сторону экономики: именно сферу обмена, капитал. Не может же Маркс совать в одно исследование общество сразу целиком, с благородной целью создания теории всего. Потому Ленин и говорил, что не написаны ещё учебники по производству.

Итак, повторим: Маркс вводит понятия конкретного и абстрактного труда. Труд конкретный - труд, затрачиваемый в определенной полезной форме и создающий потребительную стоимость товара. Т.к. является частным трудом, а его общественный характер выражается через абстрактный труд.

Труд абстрактный - затрата рабочей силы вообще, производительная деятельность человеческого мозга, мускульной и нервной систем. Труд абстрактный создает стоимость товара.

Абстрактный труд лишён конкретной определённости и потому всеобщ и однороден для всех видов труда. Он представляет собой общественное, экономическое явление, присущее только товарному

производству. В товарном хозяйстве затраты рабочей силы непосредственных товаропроизводителей выполняют особую общественную функцию — связывают производителей друг с другом через рынок.

Официальная «советская» политэкономия утверждает, что именно в этой своей общественной функции, связи через рынок, затраты физиологической энергии человека являются специфически исторической формой общественного труда — абстрактным трудом как источником стоимости. Т.е. абстрактность выражается лишь через рынок, сферу обмена. Т.е. при коммунизме абстрактного труда якобы не будет.

Труд, овеществленный в товаре, создает стоимость и потребительную стоимость. Поэтому всякий товар обладает двумя свойствами: потребительной стоимостью и стоимостью. Потребительная стоимость — способность вещи удовлетворять какую-либо человеческую потребность, то есть её полезность. Одни вещи удовлетворяют человеческие потребности непосредственно, как предметы потребления (например, хлеб, одежда и т.п.); другие — косвенно, как средства производства (станки, сырьё и т.п.). Потребительные стоимости составляют вещественное содержание богатства всякого общества. Потребительную стоимость имеют и полезные для человека вещи, не произведённые трудом (например, дикорастущие плоды, вода в источниках и т.п.). В отличие от них, потребительная стоимость товара является потребительной стоимостью для других, то есть общественной потребительной стоимостью, поступающей в потребление через куплю-продажу. Те же ягоды и грибы — товары, если их торгуют на рынке. Потребительная стоимость товара выступает носителем его второго свойства — стоимости.

Если потребительная стоимость — вещественное свойство товара, то стоимость — его общественное свойство, выражающее общественный характер труда товаропроизводителей. Их труд в условиях господства частной собственности является частным делом, они ведут хозяйство обособленно друг от друга. Существующие между ними производственные отношения делают труд товаропроизводителей общественным, взаимная зависимость их скрыта и реализуется лишь через обмен на рынке. Основу этого обмена составляет овеществлённый, застывший в товаре общественный труд — стоимость.

Формой проявления стоимости на рынке является меновая стоимость, то есть пропорция, в которой различные товары обмениваются друг на друга в соответствии с законом стоимости. Стоимость может иметь только вещь,

являющаяся потребительной стоимостью. Если же производитель изготовил никому не нужный продукт, его труд не получит общественного признания и не сможет быть реализован на рынке. Как потребительные стоимости товары различаются только качественно, так как удовлетворяют различные потребности людей, но не различаются количественно, так как они разнородны и непосредственно несоизмеримы. Товары как стоимости качественно однородны и различаются лишь количественно, величиной стоимости или количеством овеществлённого в них общественно необходимого рабочего времени.

Двойственная природа товара определяется двойственным характером труда товаропроизводителей. Потребительная стоимость товара — результат конкретного труда, то есть определённого полезного труда, создающего вещь, удовлетворяющую ту или иную потребность человека. Каждому виду конкретного труда присущи типичные только для него цель, характер трудовых операций и орудий труда. Особенности данного вида конкретного труда и определяют специфическую потребительскую стоимость его продукта.

Стоимость товара создаётся абстрактным трудом: затратой физиологической энергии человека, то есть его мускулов, нервов, мозга в определённой общественной форме.

Труд создаёт стоимость товара, но сам стоимости не имеет. В условиях господства частной собственности на средства производства двойственный характер труда, воплощённого в товаре, выражает противоречие между общественным и частным характером труда товаропроизводителей. Конкретный труд выступает как частный, а абстрактный — выражает скрыто-общественный характер труда. Общественный характер труда требует, чтобы товаропроизводители давали необходимые обществу продукты. Но частный характер труда делает возможным лишь косвенную, рыночную форму выявления требований, предъявляемых обществом к производителям.

Противоречие труда, воплощённого в товаре, обнаруживается на рынке как противоречие между потребительской стоимостью и стоимостью товара. Товаропроизводитель изготавливает товар для того, чтобы продать его. Это превращение товарной формы в денежную в условиях частного товарного хозяйства существенно противоречиво.

Отдельный товар имеет ограниченную потребительскую стоимость, удовлетворяющую лишь определённую потребность людей. Между тем

частный товаропроизводитель, производя товар, не знает, какие именно потребительские стоимости и в каком количестве нужны покупателям.

Даже если будут проведены социологические опросы, если будут рассчитаны дифференциальные уравнения, описывающие колебания спроса-предложения – не поможет, т.к. правящая элита не в состоянии опосредовать собой все общественные связи, ее способность планировать наталкивается на конкретную реализацию плана.

В этих условиях ограниченный характер потребительской стоимости мешает товару превратиться в деньги.

Главным же проявлением противоречия является интерес продавца, противоположный интересу покупателя, что заставляет фальсифицировать продукты и т.п.

Это порождает трудности реализации, конкурентную борьбу товаропроизводителей, в ходе которой происходит их имущественная дифференциация: мелкие товаропроизводители разоряются, а немногие, экономически более сильные — обогащаются.

Противоречие между частным и общественным трудом проявляется в противоречии между конкретным и абстрактным трудом. Товар, будучи единством потребительской стоимости и стоимости, в то же время заключает в себе и противоречие между ними, которое имеет антагонистический характер. Это противоречие в зародыше представляет собой основное противоречие простого товарного хозяйства и является исходным моментом всех противоречий частного товарного производства.

Мы говорили о противоречии между стоимостью и потребительной стоимостью. Но борьба этих противоположностей – еще не всё в противоречии. Поговорим о единстве противоположностей. Для этого нам понадобится меновая форма стоимости.

«Стоимость товаров, - пишет Маркс, - тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за неё взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость остаётся неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, то их стоимость имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении

одного товара к другому. В самом деле, мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости.»

- Вдовица Куикли – персонаж пьесы Шекспира, подруга Фальстафа, бойкая и разбитная хозяйка в трактире «Кабанья голова». Когда Фальстаф как-то проворчал вдовице, что ему «неизвестно, как за нее взяться», та ответствовала ему: «Врешь: и ты, и другие отлично знают, как за меня взяться.»

Стоимость и потребительная стоимость не просто противостоят друг другу, они взаимопроникают, взаимно зависимы. Если рабочий путем обучения увеличивает потребительную стоимость своей рабочей силы, вынь да положь повышение меновой формы ее стоимости – зарплаты (грубо говоря). Если же начальник срезает расценки (или это делает за него рынок), рабочий крушит новое оборудование, низводя свой труд до прежнего, до обучения на новом оборудовании. Такую взаимосвязь, которая есть закон стоимости в отношении товара «рабочая сила», на массе примеров из истории СССР показал Юрий Радостев.

Но наша с вами задача – рассмотреть, как, откуда, почему *возникает* в сфере обмена абстракция труда как лишенный различий однородный «простой», фактически выдуманный теоретиком труд. Пусть даже это та «абстракция, которая в общественном процессе совершается ежедневно... не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух.» (Маркс, «К критике политической экономии»; не обращайте внимания на безграмотность Маркса в химии - органические тела превращаются и в минералы, и в воду и пр.).

С другой стороны, как отмечает Ильенков, для различных неокантианских школ абстрактное – лишь форма мысли, в то время как конкретное – лишь форма чувственно-наглядного образа. Т.е. для неокантианской школы или, скажем, для блогера Радика Янахметова, конкретный труд – это труд конкретного, данного по имени-фамилии, наглядно-чувственного рабочего.

Конкретность может быть абстрактной, напр., конкретный треугольник или абстрактная живопись. ««Конкретность» не есть ни синоним, ни привилегия чувственно-образной формы отражения действительности, - пишет Ильенков, - точно так же как «абстрактность» не есть специфическая характеристика рационально-чувственного познания.» В принципе понятие конкретного труда есть явно абстрагирование от труда данного рабочего.

Мы же с вами будем рассматривать труд конкретный в том смысле, который вслед за Паскалем вкладывал Маркс в понятие конкретного как «единство многообразия».

Если абстрактность труда, возникающая в процессе обмена, генерируется в процессе производства - упрощением труда, дроблением на его единичные операции (будем рассматривать развитую форму абстрактного), то конкретность формируется обратным процессом – усложнением труда. Для понимания приведем полярные ситуации: производимая гайка, одна из тысячи одинаковых, будь она хоть у вас на ладони – абстрактна, труд рабочего, его производящего – абстрактен. Маркс, вслед за Адамом Смитом, пишет о монотонном, отупляющем, *обезличивающем* труде. По этой гайке невозможно судить, какой рабочий ее произвел. В противоположность этому по стилю работы можно установить авторство научной статьи, тем более стихотворения, музыкального произведения или картины, как это точно отметил А. Фетисов в своей «Хомосапиенсологии». Трудно оценивать стихи или музыку, они уникальны. Их производство не измеряется часами рабочего времени. Скажем, Александр Иванов писал «Явление Христа народу» 20 лет, а Репин написал «Портрет Веревкиной» вообще вне рабочего времени, на больничном, в постели, за полчаса. Причем ценность этих картин скакала в разы, правда, всё возрастая со временем. А вот гайку без всяких проволочек оценивает рынок, она не уникальна, она сравнима с чем угодно. По часам рабочего времени.

Труд рабочего более абстрактный, от его ошибки будут только паратройка из тысячи почти одинаковых гаек выбракованы. Труд инженера более конкретен, более **общественно** значим: от его ошибки может остановиться цех.

Таким образом, абстрактность является атрибутом не только характера труда, но и его содержания, т.е. понятия, которое выражает распределение функций (исполнительских, регистрации и контроля, наблюдения, наладки и др.) на рабочем месте и определяется совокупностью выполняемых операций, отражает производственно-техническую сторону труда, показывает уровень развития производительных сил, технических способов соединения личного и вещественного элементов производства, т.е. раскрывает труд прежде всего как процесс взаимодействия человека с природой, средствами труда в процессе трудовой деятельности и т.д. **Абстрактный характер труда обусловлен его абстрактным содержанием.**

Абстрактное содержание труда отнюдь не исчезнет при исчезновении товарного производства, рыночного обмена, т.е. при коммунизме.

Скажем, такое перетекание конкретного труда в абстрактный, как замена творчества при решении дифференциальных уравнений монотонным компьютерным программированием в аналитических функциях никакого отношения к классовому антагонизму не имеет. Точно так же, скажем, литье металла на заре человечества было не абстрактным, а конкретным трудом.

Не исчезал, таким образом, абстрактный труд и в СССР.

Тема конкретного труда была развита в работах Ильенкова, Батищева, Библиера.

Так, Библиер указывает на введенное Марксом понятие всеобщего труда: «... Следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим называется всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов. ... В духовном производстве в качестве производительного выступает другой вид труда... » (Маркс, Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, с. 116, 279)

Как видим, Маркс использует не сущностное и даже не функциональное, а атрибутивное определение. То есть, оставляет формулировку определения на будущее.

Библиер отмечает, что Маркс не рассматривает специально этот труд. Хотя очевидно, что этот труд не может не присутствовать в любом виде труда, самом наиабстрактном. На то он и труд, что не просто общественный, но личностный, через осознание, тем и отличается, как указывает сам Маркс, от действий пчелы.

К сожалению, дальнейшее исследование продолжилось в либеральном направлении и привело к использованию разнообразных терминов типа творческого, репродуктивного и т.д. труда не как характеристик, а как политэкономических понятий, причем вне пары категорий «абстрактное – конкретное». Либерализм заключается в том, что, напр., Библиер полагает, что при капитализме в силу господства абстрактного труда «всеобщий труд... сосредоточивается исключительно в духовном производстве». Отсюда немедленно следует, что рабочий класс самостоятельно не может вырваться за рамки экономической борьбы. Ему нужен поводырь, занятый

всеобщим трудом, как это и формулировали оппортунист Бернштейн и ренегат Каутский.

Библер не понимает, что счастье капитализма, заключавшееся в устройении абстрактного содержания в труде, заканчивается. Если ранее дробление труда приводило и к снижению издержек на обучение, и к повышению производительности труда, то сегодня это дробление тормозит развитие производительных сил (что особенно хорошо видно в случае конвейера, забастовок против конвейерной системы в конце 60-х и возникновению неконвейерных систем с большей производительностью труда, скажем, в Японии системы канбан и др.).

Библер не видит процесс роста конкретного содержания в труде рабочего, не понимает, что капитализму по мере развития техники всё более становится нужен рабочий с высшим образованием.

Библер, подобно Фридриху Шлегелю, Андрею Белому или Ортеге-и-Гассету в демиурги истории выставляет человека искусства, человека творческого, «компетентного». Логическим завершением этой подмены является такая подмена в отношении «класс – партия», когда первичной объявляется партия, а класс – вторичным, послушным орудием в руках разумного партийного существа [2]. В. В. Орлов приводит точку зрения В. М. Межуева, совпадающую с либерализмом Библиера - Глинчиковой, что абстрактный труд «сам по себе не может порождать новые идеи, питающие собой научный, технический и культурный прогресс общества». Орлов возражает, что «в отнесении с конкретным трудом абстрактный труд выступает в качестве мощной революционизирующей силы». Тем не менее, у Орлова абстрактность труда тоже не покидает пределы сферы обмена, а в паре «класс-партия», говоря о том, что абстрактный труд на что-то способен *лишь* в сочетании с трудом конкретным, имплицитно первичной он ставит партию.

Увы, Ленин в «Что делать» следует линии Бернштейна-Каутского. Однако массой своих статей («Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Наказ от ЦО местным советским учреждениям», «Государство и революция», «Апрельские тезисы» и др.), требованием учиться у рабочих, особенно же повторением марксовской формулы «социализма как живого творчества масс» резко возражает этой линии.

Завершается дискурс тем, что, скажем, Глинчикова, казалось бы, вполне в духе диалектика Маркса, увидевшего разрешение противоречия старой политэкономии в возникновении нового типа товара – рабочей силы, вводит новый тип рабочей силы – творческую рабочую силу. И определяет

ее как такую рабочую силу, процесс производства и процесс воспроизводства которой совпадают.

Казалось бы, вещь очевидная – растущая в обществе потребность в труде, разумеется, не во всяком, как искаженно поняли Маркса идеологи КПСС, означает, что труд становится «предметом потребления», входит в потребительскую корзину, служит восстановлению жизненных сил. Однако Глинчикова полагает, что именно эта творческая рабочая сила появилась в обществе сама собой и на этом развитие завершено.

На деле определение Глинчиковой неверно. Творческая рабочая сила нуждается в еде и продается на рынке. По Глинчиковой рабочему классу уготована одна судьба – тихо отмирать. Глинчикова не понимает, что новая рабочая сила, перед тем, как сбросить товарную форму, должна вызреть в обществе из старой, а не освободить себя за спиной всего общества, как обособленное дворянство.

Но если абстрактный труд столь хорош, что никуда не денется, чем же отличается один общественный строй от другого? При коммунизме в труде индивида **доминирующим** является его конкретное содержание, при капитализме – абстрактное. Т.е. коммунизм – это отсутствие не только буржуазии, но и рабочего класса, т.е. класса, в труде которого доминирует абстрактное содержание. В. В. Орлов, не отклоняясь от марковского смысла абстрактного труда, тем не менее, восклицает: «В СССР 50% грубого ручного труда, какой, к черту, социализм.»

Причем доминирование вовсе не означает временное преобладание. Скажем, в труде физика или пианиста абстрактный труд доминирует по времени. Но его конкретное содержание является определяющим, подчиняющим.

Для анализа труда Гегель водит два понятия: опредмечивание и распредмечивание.

Опредмечивание – это воплощение в продукте труда образа этого продукта в голове рабочего. Распредмечивание – это обратное влияние создаваемого продукта, процесса производства на мозг рабочего. Если рабочий десять лет подряд производит одну и ту же одинаковую гайку, в голове у него вместо мыслей образуется та же абстрактная гайка. Так и возникает абстрактный «средний», «одинаковый» рабочий, в процессе обезличивающего (по выражению Маркса) труда.

Точно так же, как абстрактное содержание труда генерирует его абстрактность в сфере обмена, оно, в силу общественного разделения труда, обуславливает еще одну сторону труда – его наемный характер.

Лев Николаевич Толстой полагал, что можно улучшить ситуацию, занявшись самоусовершенствованием. После смены. Перестать потреблять мясо и т.п. Ильенков тоже, вполне идеалистически полагал, что существующие в СССР проблемы решит система воспитания. Он отчасти прав, он создал школу воспитания, в которой применил диалектико-материалистический метод узко конкретно, однако с большим успехом, один из его слепо-глухонемых воспитанников даже стал доктором наук.

Однако определяющим в жизни рабочего является именно время в период рабочей смены. В процессе его труда не требуются ни философия, ни политэкономия. Зазубренные, они не оставят следа, выветрятся из сознания под шум токарного станка. Единственные знания, которые ему пригодятся – это знания, как с наибольшей выгодой продать свою рабочую силу. Если даже формально средства производства будут в руках рабочего класса, он – в силу абстрактного содержания труда передоверит управление (распоряжение, планирование) узкому социальному слою (капиталисту или генеральному директору с билетом КПСС в кармане, а тот, в свою очередь – министру). Угнетение, таким образом, состоит не только в том, что рабочий получает меньше, чем ему кажется справедливым. Угнетает сам труд, который продуцирует угнетение в форме беспрекословного подчинения – вследствие узурпации управления узким социальным слоем.

Значит, выход из положения заключается в чем-то ином.

В принципе американский лозунг, лозунг сетевого маркетинга «измени себя» - это лозунг животного, человек отличается от животного тем, что не приспосабливается сам под среду, а меняет среду под себя. Способ «самоусовершенствования» у человека качественно отличен от способа животного.

Ярчайший пример изменения себя, причем именно в социальном смысле, иллюстрирует следующий анекдот: «Доктор, помогите, нервы на пределе – у нас в доме лифт останавливается на каждом этаже... - Ничего страшного, вот Вам элениум, три раза в день. – А что, от этого лифт перестанет останавливаться на каждом этаже? – Нет, но Вы к этому будете по-другому относиться...»

Йога и аналогичные системы – это не изменение себя, это тоже устройство под себя, но только не внешней природы, а собственного организма.

«Воздействуя... на внешнюю природу, - пишет Маркс, - и изменяя ее, он (человек, Б. И.) в то же время изменяет свою собственную природу» (Маркс, Энгельс, Соч., т. 23, с. 188).

Речь идет – в противоположность сокращению общественно необходимого рабочего времени до «исчезающее малой величины» – **преобразованию самого общественно необходимого времени в труд творческий**, в котором доминирует конкретное содержание. **Требование этого преобразования должно вырваться на уровне всеобщего**, а не только в качестве забастовок против конвейерной обезлички, напр., в США в конце 60-х или в Куйбышеве в 70-х. Тормозит этот процесс становления науки как производительной силы новая форма противоречия между трудом и капиталом - противоречие между ростом конкретного содержания в труде (усложнением производства в его элементарной ячейке и ростом многообразия хозяйственных связей) и частной формой управления. Это тривиально так же, как и то, что разрешением этого противоречия является экспроприация функций управления у правящего класса.

Июнь 2012, Пермь

1. Б. Ихлов, «Верхи не могут, низы не хотят», М., «Альтернативы», вып. 1, 1990.
2. Б. Ихлов, «Класс и партия», «Вибір», Киев, №1-2, 1996.

ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

Революционная ситуация - это политическая обстановка, предшествующая революции и характеризующаяся массовым революционным возбуждением, включением широких слоев угнетённых классов в активную борьбу против существующего строя. Революционная ситуация служит показателем зрелости социально-политических условий для революции, для завоевания власти передовым классом.

«Для марксиста, - пишет Ленин, - не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции.»

По ленинской версии революционную ситуацию отличают следующие основные признаки:

1) кризис «верхов», т. е. невозможность для господствующих классов сохранить своё господство в неизменном виде. «Кризис политики господствующего класса создаёт ту трещину, в которую прорываются недовольство и возмущение угнетённых классов.» Для наступления революции, отмечал В. И. Ленин, «... обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется еще, чтобы “верхи не могли” жить по-старому».

2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов" (ПСС, 5 изд., т. 26, с. 218). Это обострение может быть вызвано ухудшением экономического положения широких слоев населения, социальным бесправием и обездоленностью масс, резким углублением социальных антагонизмов и др. причинами, вытекающими из противоречий данного строя (например, угроза войны, наступление реакционных сил и др.);

3) значительное повышение политической активности масс (см. там же), «в "мирную" эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими "верхами", к самостоятельному историческому выступлению». Боевые настроения стремительно нарастают, массы буквально рвутся к политике.

«Без этих объективных изменений, - утверждает Ленин, - **независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов**, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной

ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность **революционного класса** на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не "упадет", если его не "уронят".»

«Глубинная основа революционной ситуации, - повествует справочник, - конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Однако этот конфликт преломляется через призму сложной системы социально-политических классовых отношений. Противоречия способа производства определяют революционную ситуацию лишь в конечном счёте. Непосредственно она вытекает из взаимоотношений классов.

Время возникновения революционной ситуации, её формы и темпы развития зависят от всей системы социально-политических отношений: от состояния государственной машины, прочности позиций господствующего класса, от силы революционного класса, его связей с др. слоями населения, накопленного им политического опыта. Обострение противоречий социально-политической жизни, противоречий между господствующими и угнетёнными классами — таковы причины, которые непосредственно определяют возникновение и развитие революционной ситуации.

Революционная ситуация отличается нарастающим динамизмом. В своём развитии она проходит ряд стадий, начиная с явных признаков массового брожения и кончая общенациональным кризисом, перерастающим в революцию. Чем выше стадия революционной ситуации, тем большую роль в её дальнейшем развитии приобретает зрелость субъективного фактора, т. е. способность и готовность революционных классов осуществить назревшие преобразования, свергнуть власть господствующего класса. В период общенационального кризиса роль субъективного фактора становится решающей. Не всякая революционная ситуация достигает высшей стадии и превращается в революцию (Революционная ситуация 1859—61 гг. в России, в 1923 г. в Германии и многие др.). Если прогрессивные классы по тем или иным причинам не готовы к активным и организованным действиям, то в развитии революционной ситуации наступает спад, массовое революционное возбуждение гаснет, господствующий класс изыскивает средства удержания власти в своих руках.»

И Ленин указывает, и поздние справочники не грешат, его цитируя, что субъективным фактором является именно класс, а не партия. Однако уже Сталин подменил класс партией. Троцкисты (скажем, Роберт Кемпбел Джонс из британской группы «Милитант» по сей день уверяют, что, напр., во Франции в 1968-м потому не произошла социалистическая революция, что не было по-настоящему революционных троцкистов из «Милитант», а

были плохие из группы Манделя и «Лют увриер», и была плохая компартия. Ленин же четко разграничил партию и класс.

В «Докладе об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса...» он пишет: «Революция 25 октября показала чрезвычайную политическую зрелость пролетариата, выявившего способность стойко противостоять буржуазии. Но для полной победы социализма требуется колоссальная организованность, проникнутая сознанием, что пролетариат должен стать господствующим классом... Вопрос в том – победить или быть побежденным. Нельзя надеяться, что пролетариат деревни ясно и твердо сознает свои интересы. Это может сделать только рабочий класс, и **каждый пролетарий**, в сознании великой перспективы, должен почувствовать себя **руководителем** и повести за собой массы. ...

Пролетариат должен стать господствующим классом в смысле руководства всеми трудящимися и классом господствующим политически.... Управление государством должен взять на себя пролетариат...»

В другой статье: «Социализм – это когда **каждый** после отработки своего 8-часового урока занимается **государственной** деятельностью.» («Очередные задачи Советской власти») Каждая кухарка должна **учиться** управлять государством! И, наконец: «Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. ... социализма не может ввести меньшинство - партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами.» (7-й экстренный съезд РКПб)

Отчего ж не получилось? Ни в 1918-м, ни в 1988-м?

Давайте, отметим смешную деталь: у Ленина *субъективный* фактор стал *необходимым*. То есть, объективным. А в изложении сталинистов, троцкистов и анархистов – более важным, чем прочие объективные факторы. Поскольку они подменили класс партией, получилась замечательная вещь: хорошая партия – самое важное, при хорошей партии можно устроить социалистическую революцию и при феодализме. Нам не нужно разбирать более грубую ошибку Сталина, посмотрим, в чем ошибся Ленин.

Он сделал акцент на настроении масс, которое не может длиться в течение пятилетки. Акцент на силе революционного действия, дабы что-нибудь сломать. Поэтому этот фактор и субъективен.

В начале своего возникновения рабочий класс раздроблен, «атомизирован», как на фабрике-заводе, так и в стране. Это класс

номинально, количественно, как говорят (в терминах Гегеля) – класс-в-себе. Рабочий класс, в котором вызрели единые интересы – качественно иной, как говорят – класс-для-себя. Если эти интересы вызрели: можно свалить старое правительство. А сломать старую государственную машину и заменить ее новой, социалистической?

Но ведь диктатура пролетариата – не столько в ломке, сколько в строительстве. Как только мы это указали, фактор революционности класса перестает быть субъективным. Он становится объективным. Более того: самым важным среди объективных. Этот фактор указывает на уровень производительных сил в стране и его самой важной части – трудящихся. Мы теперь понимаем, что рабочий класс может становиться классом-для-себя не только к моменту социалистической революции, но и к началу всеобщих забастовок за повышение зарплаты, за лучшие условия продажи рабочей силы. Чтобы рабочие стали таким классом-для-себя, чтоб взять в руки управление страной, нужно кое-что еще: их способности к этому.

1) Для начала рабочие должны быть сплоченными.

В книге «К критике гегелевской философии права» (1844) Маркс пишет: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает *ad hominem* (в переводе с латинского: доказательство применительно к данному лицу - имеется в виду, что теория должна отвечать непосредственным интересам и потребностям каждого человека, к которому она обращена, а доказывает она *ad hominem*, когда становится радикальной; быть радикальным - значит понять вещь в ее корне, *radix* в переводе с латинского «корень»). Но корнем является для человека сам человек...».

Ленин, естественно, повторял эти слова Маркса. Но специалисты по трактовке Ленина в нужную им сторону урезали фразу и приписали ему лишь слова о том, как идея, овладевая массами, сама по себе становится материальной силой. А кто у нас разносчик идей? Конечно же, любимая партия, ум, честь и совесть! Так еще раз субъективный фактор стал объективным, вторичное – первичным. По сей день руководители компартий так и думают, что из класса-в-себе в класс-для-себя затаскивает рабочих именно партия, а источником сплочения класса является его членство в партии.

На самом деле рабочие потому класс, что есть классообразующая база: производство. Именно оно сплачивает – вспомните шахтеров. Именно оно

генерирует единство интересов (а не одинаковость, типа у 100 000 человек в городе в ванной течет). Если производство разрушено, никакие социалистические идеи никакими массами никогда не овладеют.

2) И второе: рабочие должны быть готовы к управлению. И подготовку эту не заменит никакой ликбез гос. службы. Рабочие должны овладеть отношениями частной собственности на уровне завода, города, страны – без этого и мечтать об отмене частной собственности не приходится. Для этого овладения нужно, чтобы у рабочих было минимум **высшее образование**. Для этого нужно, **чтобы капитализм потребовал рабочего с высшим образованием, не просто для заводского экспериментального КБ, а для всей экономики в целом**. На уровне всеобщего. Вот **рабочий класс нового типа**. Вот уровень той революционной ситуации, которая сможет закончиться мировой социалистической революцией. То есть, экспроприацией у буржуазии функций управления экономикой. И за содеянное буржуазию – из большой гуманности – не в концлагерь, где труд неэффективный, а в клиники, на органы, в крайнем случае – на развитие рыбного хозяйства и системы зоопарков. Красную гвоздику – в петлицу, товарищ!

Но что, Ленин не соображал разве - рабочий без образования не может контролировать госчиновника? И Адам Смит, и Маркс писали о монотонном отупляющем, обезличивающем труде рабочего. В 1989-м самарский марксист Эля Никишина с трибуны конференции Марксистской рабочей партии кричала: «Быть пролетарием – несчастье!» Ну, понятно, что имела в виду, хотя научный сотрудник – тоже пролетарий. По определению, данному Марксом – Энгельсом. Разумеется, Ленин не обошел стороной классиков в таком важном вопросе. Однако он был уверен, что даже в России практичные рабочие не позволят, не допустят и т.д. Выходит, не соображал?

Зато соображал другое: Россия, конечно, отсталая и потому со своим социализмом ни в какие теоретические ворота не лезет. Однако революционная, «слабое звено в цепи империализма». Если эту цепь порвать, если на локоть кишки мировому империализму намотать (и это не метафора, в России к 1917 году 50% экономики принадлежало иностранному капиталу), если развитые страны подхватят – какие вопросы. И вмазал будущим сталинистам: наша революция имеет смысл лишь тогда, если совершится революция в развитых странах. А построение социализма в отдельно взятой стране – мелкобуржуазный идеал!

Но не подхватили. И в развитых странах до образованного рабочего семь верст, да всё лесом. Не развился еще до такого уровня капитализм, а ведь Маркс предупреждал: уровень развития капитализма определяется тем, насколько наука стала производительной силой.

Итак, Ильич накосячил с теорией?

...

Тони Клифф (которого почему-то записывают в троцкисты, хотя он их терпеть не мог), либерал Игорь Аверкиев, а за ними публицисты левого толка Александр Тарасов и Борис Кагарлицкий, исходя из результатов революции 1917 года, объявили ее буржуазной. Здесь у перечисленных авторов недопонимание в следующих вопросах: 1) соотношение теории и практики. Если физики на стихийном уровне понимают, что практика первична, то Ленин, как диалектический материалист, утверждал, что практика выше теории (это весьма болезненный вопрос для КПРФ, и не только – для всех партий, для всех теоретизирующих); видите ли, в чем дело: уже в физике детерминизм носит даже не вероятностный, а квантово-стохастический характер, придавать общественному закону механистический характер – это, по Марксу, грубый объективизм. Речь не идет о том, чтобы лихо отмахнуться от общественных законов, речь о другом – как их понимать – см. п. 2. С другой стороны, Ленин не скрывал, что Октябрь 1917-го – это перевернутая марксова схема 2) Способ производства и общественно-экономическая формация – разные вещи.

Чтобы почувствовать некорректность постановки вопроса об ошибках в теории и утверждении о буржуазном характере революции, предлагаю желающим совершить путешествие в прошлое: похлопать по плечу Кромвеля, Демулена, Робеспьера – куда, мужики? Рано. Теория не позволяет. Не быть еще капитализму. Всякие левеллеры, французские крестьяне со своей Жакерией, варлены с делеклюзами и прочая голытьба – вообще никшните! Господа Спартак, Болотников, Булавин, Разин, Артигас и иные несознательные элементы – как можно! Разве вы не знаете, что надо идти цивилизованным путем, как нам указывают иноземцевы, шендеровичи и прочие светильники разума?

Но и английскую, и Великую французскую революцию упорно называют буржуазными. И правильно делают – подробнее см. главу «Что такое революция», а также мою книжку «Конец истории либеральной демократии».

ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИЯ

У вас на плите чайник. Чтобы он вскипел, должно пройти время. Если заварить чай не вскипевшей водой, можно получить понос. Мы понимаем, что нельзя перескакивать через период нагрева воды до 100 градусов, период схлопывания пузырьков (затихания потрескивания) и начала интенсивной конвекции. Многие хотят ускорить процесс – добавить нагрев сверху! Увы, законы физики таковы, что нагрев сверху гасит конвекцию.

Мы понимаем, что есть объективные, независящие от нас законы физики, которые нельзя поменять или «ускорить». Точнее, отменить их. Не замечать. В общественных же науках – на фоне значительно более сложного общественного детерминизма – ситуация с пониманием значительно более тяжелая.

- Лазаревич, мы, действительно, не можем изменить сам процесс, но замедлить или ускорить можем довольно легко, даже без сложных технических решений.

- Лена, человечество только тем и занято, что всеми путями либо ускоряет, либо тормозит общественную механику. То ГОЭЛРО, то II мировая война... Речь о другом.

Ясно, с одной стороны, что, во-первых, есть анархисты, которым и при феодализме устроить коммунизм пара пустяков. Есть волюнтаристы, которые то сеют кукурузу на Приполярном Урале, то призывают к забастовкам, когда общество их об этом не просит. Но главное: можно из рабовладения САМОСТОЯТЕЛЬНО скакнуть в социализм? Вот Стругацкие в «Трудно быть богом» полагают, что нельзя даже с божьей помощью.

Вообще есть ли в истории ЗАКОНЫ, или мир устроен как угодно?

С другой стороны, есть доктринеры, которые считают, что общественный закон - тот же самый, что в термодинамике. И Александр Тарасов оказался в их числе. Вот к чему приводит московская атмосфера да дружба с Кагарлицким.

Вернёмся к пониманию. Убогость «теоретических» положений современных обществоведов прослеживается и в отношении понимания революций. Так, они делят революции на два типа: социальные и политические. Но как может произойти социальная революция без политической. И наоборот.

Одни исследователи делают акцент на масштабности и радикальности изменений («революция - неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структуре общества» - Алан

Буллок). Другие - на насильственности, производимых изменений («революция — фундаментальные социально-политические изменения, осуществляемые насильственным путем»). Третьи - на предпосылки и обусловленность («революция — это захват насильственными методами государственной власти лидерами массовых партий, и последующее использование ее для проведения крупных реформ» — Энтони Гидденс).

Т.е. революция – это что-то неожиданное, никто не ждет, и вдруг – бах! Или революция – это когда делают больно. Фундаментально больно. Что за насильственные методы – молчат, как партизаны на допросе. Непонятно, чем в подобных не то, чтобы атрибутивных, но импрессионистских «определениях» революции отличаются от эпидемий, войн или стихийных бедствий.

Интереснее определение «Гидденса», но оно выбрасывает события 1956 г. на Кубе, 1905 г. в России, 1968 г. во Франции и т.п. из числа революций. Кроме того, Гидденс не сообщает, почему крупные реформы, а не радикальные, чем революции отличаются от дворцовых переворотов, что такое «насильственные методы». Напр., повышение пенсионного возраста, урезание социальных программ, которые начал Ширак, придя к власти в 1995 г. – тоже крупные реформы. И Петр I против партии Голицына, и Хрущев, и Брежнев, представители массовой партии, став во главе государства вполне насильственным путем, начинали крупные реформы. Вся Россия в курсе, что «Единая Россия» каждый раз приходит к власти именно насильственным путем, с использованием полиции, с избиванием агитаторов нанятыми боевиками и т.п. Но ведь никому не придет в голову объявить перечисленные события революциями.

Хуже того, находятся деятели, которые «обобщают» данные убогие «определения», смотрите справочники в интернете: «Революции затрагивают все сферы общества; изменения затрагивают самые основы общества; изменения, вызванные революцией, стремительны, эти изменения, как правило, носят насильственный характер.» Теперь окончательно ясно: революция – это цунами.

В. П. Первалов дает свою классификацию подходов к теме революции: «В социологии социальных изменений выделяются четыре основные концепции революции: поведенческая, психологическая, структурная и политическая. Первая, предложенная П. А. Сорокиным (**тем самым Питиримом Сорокиным, Б. И.**), определяет революцию как форму отклоняющегося поведения людей, вызванную репрессией врожденных (базовых) рефлексов. Неожиданно вырывающееся беснование орды сумасшедших мгновенно разрушает дисциплину, порядок и т. д.

приобретенной цивилизованности. Но хаос революции лишь затрудняет удовлетворение их базовых потребностей, а взрывной расход ускоряет истощение энергетического запаса организма. Вновь возникающая тяга к порядку и истощенность жизненных ресурсов превращает массу в удобный материал для социальной «формовки» новым репрессором. В соответствии с этой концепцией всякую революцию завершают деспотия и тирания.

Итак, люди, восставшие против тирании капитала, которую Пителим называет дисциплиной и цивилизованным порядком, люди, обретшие чувство достоинства, преодолевшие страх, отвергнувшие личные интересы ради общих, сплотившиеся в армию – бесноватая орда сумасшедших. Понятно, что это личное впечатление Пителима, с ним, да еще со своей несостоявшейся конвергенцией он и остался в истории.

Психологические теории революции концентрируют внимание на проблеме комплексных мотивационных ориентации. Самая влиятельная и наиболее разработанная из них — теория «относительной депривации» Дж. Девиса и Т. Герра. Суть дела не в самих по себе фактах нищеты и социальных лишений, а в осознании их несправедливости, которую невозможно более терпеть, несовместимости угнетения с естественным порядком и достоинством людей. Различаются три пути обострения чувства расхождения между ожиданием справедливого по мнению людей, должного, и сущим, которое может обернуться революцией; 1) нереализованность «пробудившихся надежд», 2) падение реальных стандартов жизни при прежних ожиданиях, «революция отобранных выгод», 3) период процветания, совместный рост улучшения жизни и надежд на будущее неожиданно разделяется, причем светлые ожидания продолжают расти, а реальные возможности успеха блокируются или поворачивают вспять, вызывая «революцию прогресса».

Редкая чушь. Т.е. оказывается, что сама по себе нищета, социальные лишения – ничего не значит, это нормально. «Мрет в наши дни с голодухи рабочий...» - какая ерунда! И это у *них* называется наукой? Да ведь практика мгновенно опровергает эту дичь: когда французские бараны проголосовали за Ширака за его обещания, а Ширак начал урезать социальные программы, французские бараны ограничились общенациональной забастовкой, и Ширак остался президентом. Больше того, когда Саркози сделал то, чего не смог сделать Ширак – повысил пенсионный ценз, французские бараны вообще не шелохнулись. Но как можно зашифровать до нелепости всем понятный конфликт производительных сил и производственных отношений – в «блокирование возможности успеха»!

Альтернативные психологические теории исследуют революцию на макроструктурном (ого-го!) уровне. Согласно им, причины революций следует искать в структурных ограничениях и напряженностях контекста групповых, классовых и национальных (интернациональных) отношений, а не в менталитете

индивидов или их межличностных связях, в т. ч. не во взглядах и интересах завязтых революционеров. Успех революционных преобразований, направляемых массовыми выступлениями «снизу», достигается и закрепляется сменой старой политической элиты новой, складывающейся в конфликтных условиях борьбы классов, наций и государств и действующей во имя революционных символов. Тем самым акцентируется значение политики, внутрисоциальной и международной, в революции. (Туда Скокпол отводит центральную роль государству в социальных революциях прошлого и будущего.)

Бедный Гегель, бедный Маркс: классовые противоречия – это структурные ограничения и напряженности контекста! И есть еще деятели, которые, говоря о классах – тут же объявляют, что все революции – это революции «сверху».

Более односторонней и узкой (хоть тут отмечается справедливо, Б. И.) является трактовка революции исключительно как политического феномена, как нарушения баланса власти и борьбы соперников за управление государством. Экстраординарность революций тем самым снижается до модели соревновательности, до крайней формы соперничества за политический контроль, мобилизующей ресурсы коллективного действия. (Новая философская энциклопедия в 4 тт. под ред. В. С. Стёпина, М., «Мысль», 2001)

В виду очевидной несостоятельности обнаруженных им «концепций», Перевалов в поисках объединительной истины возлагает надежды на... марксизм-ленинизм. А ты – Стёпа! Прошу извинить за синтаксическую ошибку.

На самом деле у Гидденса совсем иное определение:

«Первым делом мы должны дать как можно более точное определение понятия революции. В обыденной жизни этот термин имеет весьма различные толкования. Например, **государственный переворот**, состоящий в простой смене одной группы лидеров на другую без какого-либо изменения политических институтов и системы власти, вообще не может считаться революцией в строгом социологическом смысле. Революцией называются только те события, которые удовлетворяют ряду условий.

1. Последовательность событий не является революцией в том случае, если в ней не присутствует *массовое социальное движение*. Данное условие позволяет исключить из категории революций такие ситуации, когда какая-либо партия приходит к власти в результате выборов, или когда власть захватывается небольшой группой, например, военными.

2. Революция ведет к *широкомасштабным реформам или изменениям*⁴). Джон Дани указывает, что, согласно этому принципу, люди, пришедшие к власти, должны на самом деле быть более способны управлять данным обществом, чем те, кого они свергли; лидеры революции должны суметь достичь по крайней мере некоторых из поставленных ими целей. Общество, в котором движение такого рода овладело только внешними, формальными атрибутами власти, но затем оказалось

неспособно к реальному управлению, не может считаться революционным. Оно находится скорее в состоянии хаоса или ему, возможно, угрожает распад.

3. Революция предполагает *угрозу насилия или его применение* со стороны участников массового движения. Революция — это политические изменения, происходящие при противодействии правящих кругов, которые не могут быть принуждены отказаться от своей власти иначе как под угрозой насилия или путем его действительного применения.

Собирая воедино все три критерия, мы можем определить революцию как захват государственной власти путем насилия, совершаемый лидерами массового движения, полученная при этом власть используется в дальнейшем в целях инициации радикальных социальных реформ.

Революции отличаются от вооруженных *восстаний*, которые связаны с угрозой или использованием насилия, но не приводят к существенным переменам. Практически все массовые выступления, происходившие до XVII века, были не революциями, а восстаниями. Так, в средневековой Европе нередко вспыхивали выступления крепостных, направленные против своих господ. Тем не менее, их целью, как правило, было добиться от хозяев лучшего обращения или заменить особо жестокого господина на кого-нибудь помягче. Понятие социального действия, совершаемого с целью радикального изменения существующей политической структуры общества, в те времена было неизвестно.»

Гидденс значительно более точно дает определение, более того, сам классифицирует представления различных авторов о революции. Он утверждает, что в руках современных исследователей значительно больше материала, нежели исследовал Маркс. Тем не менее, он весьма урезано дает определение Маркса и его собственное определение всего лишь атрибутивно.

В отличие от приведенных выше *мнений*, Маркс и Энгельс рассматривают революцию **с научной точки зрения**, как конфликт между растущими производительными силами и отжившими производственными отношениями.

Они выделяют такие характеристики революций, как: 1) движущие силы, 2) цели и задачи, 3) реальные результаты.

Одна и та же революция может быть по своим движущим силам демократической, по целям и задачам - буржуазно-демократической, а по результатам - чисто буржуазной.

Вот что пишет еще до перестройки социолог Ю. А. Красин: «... Понятие революции (от позднелат. *revolutio* — поворот, переворот) - ... неотъемлемая сторона диалектической концепции развития. Оно раскрывает внутренний механизм закона перехода количественных изменений в качественные. Революция означает перерыв постепенности, качественный

скачок в развитии. Революция отличается от эволюции - постепенного развития какого-либо процесса, а также от реформы...

... это способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной качественный переворот во всей социально-экономической структуре общества. Содержание революции классически раскрыто К. Марксом в Предисловии к "Критике политической экономии":

"На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение" (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 7).

Характер, масштабы и конкретное содержание всякой революции определяются условиями той общественно-экономической формации, которую она призвана устранить, а также спецификой того социально-экономического строя, для которого она расчищает почву. По мере перехода к более высоким стадиям общественного развития расширяются масштабы, углубляется содержание, усложняются объективные задачи революции. На ранних стадиях истории общества (переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, от рабовладельческого к феодальному) революция происходила преимущественно стихийно и складывалась из совокупности спорадических, в большинстве случаев локальных массовых движений и восстаний. При переходе от феодализма к капитализму революция приобретает черты общенационального процесса, в котором **всё большую роль** играет сознательная деятельность **политических партий и организаций**. В эпоху перехода от капитализма к социализму развёртывается мировой революционный процесс, в котором **сознательная политическая деятельность передового класса становится необходимым условием развития и победы революции**. Наиболее полное своё выражение революция находит в социалистической революции,

которая освобождает общество от всех форм эксплуатации и угнетения, кладет начало становлению коммунистической общественно-экономической формации, где, по словам К. Маркса, "... социальные эволюции перестанут быть политическими революциями" (там же, т. 4, с. 185).

Экономическая основа революции - углубляющийся конфликт между ростом производительных сил общества и устаревшей, консервативной системой производственных отношений, который проявляется в обострении социальных антагонизмов, в усилении борьбы между господствующим классом, заинтересованным в сохранении существующего строя, и угнетёнными классами. ...

Классы и социальные слои, которые по своему объективному положению в системе производственных отношений заинтересованы в ниспровержении существующего строя и способны к участию в борьбе за победу более прогрессивного строя, выступают в качестве движущих сил революции. Революция никогда не является плодом заговора одиночек или произвольных действий изолированного от масс меньшинства. Она может возникнуть только в результате объективных перемен, приводящих в движение массовые силы и создающих революционную ситуацию.

Революция неизбежно встречает на своём пути преграду в виде политической власти господствующего класса. Поэтому **первым актом социальной революции является революция политическая**, т. е. завоевание государственной власти революционным классом. "... Каждый стремящийся к господству класс, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — если даже его господство обуславливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще, — **должен прежде всего завоевать себе политическую власть...**" (там же, т. 3, с. 32). Вопрос о политической государственной власти — главный вопрос всякой революции. "Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса, — отмечал В. И. Ленин, — есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия" (ПСС, 5 изд., т. 31, с. 133).

Революция, будучи исторически необходимой, выступает в то же время как открытая и наиболее острая классовая борьба, которая может принимать самые разнообразные формы (вооружённого восстания, политического переворота, гражданской войны), в т.ч. мирные формы борьбы. Революция развивается в противоборстве с контрреволюцией. Объективные потребности общественного прогресса в конечном счёте предопределяют победу революции. Однако на каждом конкретном этапе исход противоборства не однозначен и зависит от реального соотношения классовых сил, от зрелости субъективного фактора революции, от

способности и готовности революционных классов и политических партий к решению встающих перед ними задач. "... Революционные периоды, — подчёркивал В. И. Ленин, — являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время" (там же, т. 16, с. 8—9).

В тех случаях, когда массовые революционные силы недостаточно организованы и не готовы к решению объективно назревших революционных задач, Р. может приобрести верхушечный характер [например, турецкая (1908) и португальская (1910) буржуазные Р.]. В противоположность народным революциям, в которых активно и самостоятельно участвует громадное большинство народа, верхушечная Р. непоследовательна, половинчата и обычно заканчивается классовым компромиссом.

Основоположники марксизма-ленинизма решительно выступали против **доктринёрских** представлений, согласно которым революция является автоматическим результатом роста производительных сил и осуществляется лишь тогда, когда само объективное развитие гарантирует стопроцентный успех без упорной борьбы, без потерь, без риска временных поражений. "... В революции, — писал Ф. Энгельс, — как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы... Бесспорно во всякой борьбе тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным, но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?" (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 8, с. 80—81). Активная и самоотверженная деятельность **массовых сил революции** — решающий фактор её успешного развития и победы.

Вопрос о роли революции в общественном развитии является предметом острой идеологической борьбы. Представители буржуазной "социологии революции" утверждают, будто революция как форма социального развития неэффективна и бесплодна, связана с колоссальными "издержками", во всех отношениях уступает эволюционным формам развития. Вслед за буржуазными идеологами роль революции в историческом процессе отрицают или приуменьшают теоретики реформизма и правого ревизионизма. С др. стороны, представители мелкобуржуазного левацкого революционаризма отрицают объективные закономерности революционного процесса и считают, что революционный авангард, "активное меньшинство" в любых условиях может осуществить революцию. ...

К. Маркс называл революции "локомотивами истории" (см. там же, т. 7, с. 86). ... В революционные эпохи темпы общественного развития необыкновенно ускоряются. По словам В. И. Ленина, в такие периоды пределы возможного тысячекратно расширяются. Революция вовлекает в активную политическую деятельность широчайшие массы народа, которые в обычные времена господствующим классам удаётся отстранить от политики. Обогащается содержание и возрастает объём социального творчества. "Революции, — писал В. И. Ленин, — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса" (ПСС, 5 изд., т. 11, с. 103). ...

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4; Маркс К., Классовая борьба во Франции, там же, т. 7; его же, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, там же, т. 8; Энгельс Ф., Революция и контрреволюция в Германии, там же; Маркс К., Предисловие ["К критике политической экономии"], там же.; т. 13; Ленин В. И., Две тактики социал-демократии в демократической революции, Полное собрание соч., 5 изд., т. 11; его же. Крах II Интернационала, там же, т. 26; его же, Государство и революция, там же, т. 33; его же. Детская болезнь "левизны" в коммунизме, там же, т. 41; Программа КПСС, М., 1974; Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, М., 1969; Ковалев А. М., Социальная революция, М., 1969; Селезнев М. А., Социальная революция, М., 1971; Ленинская теория социалистической революции и современность, М., 1972.»

Что характерно: Красин по традиции путает способ производства, общественный строй и общественно-экономическую формацию. Красин честно цитирует классиков, однако не забывает упомянуть возрастающую роль партии. Хотя для баланса всё же указывает, что решающую роль в развитии и победе революции играют «массовые силы». Привычный одобрять возрастающую роль партии, Красин быстро перестроился, стал демократом и прилип к Горбачев-фонду.

Может сложиться впечатление, что победившие революции обязательно приводят к смене общественно-экономической формации.

«...Поскольку в ходе истории классового общества, - пишет А. Бутенко - развитие производительных сил на определенном этапе вступало в противоречие с рабовладельческой, затем феодальной, наконец, буржуазной частной собственностью на средства производства, основные типы социальных революций соответствуют этим переходам от формации к формации... Однако даже при учете

только экономических основ переворота все многообразие социально-политических революций не может быть сведено к этим трем основным типам.

Во-первых, известны революции, имевшие своей экономической основой противоречие между развитием производительных сил и **определенными сторонами** господствующих производственных отношений. Подобные революции не выводят за рамки данной общественно-экономической формации, хотя и вносят существенные изменения в систему производственных отношений, ведут к перераспределению существующей собственности. Примером могут служить французская буржуазная революция XIX века, развертывавшиеся в границах капиталистической формации.

Во-вторых, в XX в. протекают революции, имеющие своей основой **не одно, а два разнородных, хотя и взаимосвязанных, противоречия**: с одной стороны, противоречие между развитием производительных сил и отжившими феодальными или полуфеодальными производственными отношениями, с другой – противоречие между интересами национально-экономического развития и гнетом иностранного монополистического капитала. Таковы народно-демократические революции в Европе и Азии; национально-демократические, антиимпериалистические, антифеодальные революции в ряде стран Азии и Африки и др.

В-третьих, в современной обстановке, в условиях распада **колониальной** системы империализма развертываются революции, в основе которых лежит специфическое противоречие между развитием национальных производительных сил и засильем иностранного империализма. Именно такими являются национально-освободительные революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки. ...

Хотя состав и степень участия движущих сил революции определяется ее экономической основой, он зависит и от др. факторов (сознательности угнетенных классов, их организованности) и потому имеет по отношению к экономической основе известную самостоятельность.

Во-первых, не в каждой социальной революции все классы, объективно заинтересованные в ее победе, выступают в качестве ее движущих сил. Так, во французской революции 1871, имевшей социалистическую направленность, создавшей Парижскую Коммуну как форму диктатуры пролетариата, трудящееся крестьянство практически не приняло участия, хотя объективно его интересы могли быть удовлетворены именно на путях социалистического переустройства общества.

Во-вторых, классы, осуществляющие революцию, могут выступать с большей или меньшей активностью, более или менее самостоятельно. В том случае, если широкие массы народа не являются активными участниками борьбы, переворот приобретает характер "верхушечной" революции (напр., турецкая революция 1908, иракская революция 1958), если же глубочайшие общественные "низы" активно участвуют в событиях и накладывают на ход борьбы отпечаток своих собств. требований, революция обретает вид народной революции (напр., русская революция 1905–07, кубинская революция 1959).

...

Те классы, которые являются движущими силами революции, и создают новую надстройку, причем, как правило, именно класс – носитель исторически

новой для данной страны формы производственных отношений и приходит к власти в результате победы революции. Это и определяет в конечном счете ее социальное содержание. Но и здесь нет автоматизма: подобно тому, как классовый состав движущих сил имеет относительную самостоятельность по отношению к экономической основе революции, так и классовая сущность устанавливаемой власти относительно самостоятельна по отношению к движущим силам революции.

Во-первых, у революционных классов может оказаться недостаточно сил, чтобы добиться решительной победы, тогда и новая государственная власть, отражая эту непоследовательность, половинчатость переворота, попадает в руки социальных групп, стремящихся к компромиссу с реакционными силами (так было, напр., во время революции 1848 в Германии).

Во-вторых, в результате решительной борьбы революционных масс к власти могут прийти социальные группы, стремящиеся к наиболее радикальным преобразованиям, для осуществления которых еще не сложились необходимые объективные и субъективные условия. Раньше или позже подобные социальные группы, если им не удастся опереться на новый подъем революции, уступают место правым силам, что знаменует начало «нисходящей» линии развития социальной революции (напр., революция 1789–1794 во Франции).

В-третьих, в тех странах, где не разрешены классовые противоречия различных ступеней исторического развития, возникает возможность последовательных социальных преобразований, в ходе революции к власти может прийти класс, чей социальный идеал должен осуществиться не в данной, а в последующей революции. Если налицо необходимые предпосылки, то революционные преобразования приобретают вид "перманентной" революции: радикальное завершение задач ближайшей революции перерастает в новую социальную революцию (по этому пути большевики стремились развивать буржуазно-демократические революции в России, так развертывались народно-демократические революции в ряде стран Европы и Азии).»

Бутенко совершенно точно приводит примеры, когда революции совершаются не только внутри одной и той же общественно-экономической формации, но **внутри одного и того же способа производства**. Он верно рисует вариативность, не жесткую зависимость надстройки от базиса. Он хорошо помнит ответ Ленина Суханову: «Все мы знаем, что базис определяет надстройку. Но в каком учебнике написано, что нельзя сделать наоборот?»

Но дальше начинаются фантазии. Оказывается, в обществе может вырваться такой **класс**, у которого чересчур высокие *социальные идеалы*. Это, право, находка Бутенко. Этот класс не совершает социалистической революции, но совершает такую революцию, которая вроде бы и сохраняет капитализм, но грозит его свергнуть в новой недалекой революции... Тут, конечно, политэкономия и исторический материализм на марше, откуда растут ноги таких закономерностей в общественном развитии, Бутенко не

рассказывает. А дальше, указав на относительность зависимости от уровня развития производительных сил, он вообще отказывается от этой зависимости:

«Развертывающиеся в современную эпоху перехода от капитализма к социализму революционные преобразования, начало которым положила Октябрьская социалистическая революция, имеют своим ядром социалистическую революцию, а своим главным опорным пунктом – мировую социалистическую систему, которая превращается в решающий фактор общественного развития. Под определяющим воздействием успехов мирового социализма, в результате национально-освободительной революции, завершается разрушение колониальной системы империализма. Развитие революционных процессов в освободившихся странах обогащает исторический материализм опытом осуществления национально-освободительных антиимпериалистических революций; национально-демократических антифеодалных антиимпериалистических революций; опытом некапиталистического развития, представляющего собой революционные преобразования, ведущие к социализму, минуя капитализм и даже феодализм.

Все революционные силы современности: мировая социалистическая система, революционное рабочее движение капиталистических стран, национально-освободительное движение – расшатывают устои империализма, устои эксплуататорского общества и составляют в своем развитии единый мировой революционный процесс, ведущий прямо или опосредованно к повсеместной замене эксплуататорского общества социализмом. ...» (Советская Энциклопедия, 1970).

Это перл – некапиталистическое развитие. Редкий зверь. Тут у Бутенко еще одна фантазия – про некое «ядро» социалистической революции. Тут он разрешает прыгать в социализм прямо из рабовладения. Тут член КПСС Бутенко посылает Маркса подальше. Ясно, что в данном пункте профессор служит не науке, а власти, которая сначала откопала страны *«избравшие социалистический путь развития»*, но потом застыдилась и переименовала те же страны в *«страны социалистической ориентации»*.

Итак, примером буржуазных революций является Нидерландская революция XVI века, Английская революция XVII века, Первая американская революция (она же — Война за независимость американских колоний), Великая французская революция, революции 1848—1849 годов в Европе (революции в Германии, Австрии, Италии, Венгрии и т. д.).

Если буржуазная революция приводит к замене феодализма капитализмом в экономике не до конца или не ликвидирует при этом феодальный политический режим, это обычно влечет за собой возникновение буржуазно-демократических революций, смыслом которых

является приведение политической надстройки в соответствие с экономическим базисом. Примерами таких революций являются революции 1848 и 1871 годов во Франции, Вторая американская революция (Война Севера с Югом), Революция 1905 года и Февральская революция 1917 года в России, Синьхайская революция 1911 года и Революция 1924—1927 годов в Китае, революции 1918 года в Германии и в Австро-Венгрии, Кемалистская революция 1918—1922 годов в Турции, Революция 1931—1939 годов в Испании, Исламская революция 1979 года в Иране и т. п.

Примеры поражения революций: крестьянские войны в Англии, Франции, Германии, России и других странах; Революция 1905 года в России; Революция 1808—1814, Революция 1820—1823, Революция 1834—1843, Революция 1868—1874 годов в Испании; Революция 1848 года и Парижская коммуна во Франции; Сентябрьская революция 1836 года в Португалии; революции 1848—1849 годов в Германии, Австрии, Венгрии и Италии; Революция 1905—1911 годов в Иране; пролетарские революции в Баварии, Венгрии и Словакии 1919 года и т. д.

Примеры национально-освободительных революций - та же Нидерландская революция XVI века, Первая американская революция, войны за независимость в Латинской Америке в XIX веке, Филиппинская революция 1896—1898 годов, Августовская революция 1945 года во Вьетнаме, Июльская революция 1952 года в Египте, Иракская революция 1958 года, Алжирская революция и т. д.

Социалистическая же революция должна привести к переходу от капитализма к социализму. Сталинистская традиция такой революцией считает Октябрьскую революцию 1917 года в России, „народно-демократические революции“ 1940-х годов в Восточной Европе, Китайскую революцию 1949 года, Кубинскую революцию 1959 года и т. д. Однако целый ряд направлений в марксизме (каутскианство, неомарксизм, постмарксизм, коммунизм рабочих советов, Франкфуртская школа, фрейдомарксизм, марксистский экзистенциализм, школа «Праксиса», группа Тони Клиффа и др., в Восточной Европе — отдельные теоретики, например, Рудольф Баро, Иштван Месарош, Юрий Семёнов, первопроходцы неформального движения 80-х либерального толка Игорь Аверкиев, публицисты Александр Тарасов, Борис Кагарлицкий, политэконом троцкистского толка М. И. Воейков и т.п. отрицают социалистический характер этих революций.

Есть попытки представить точку зрения Маркса и Энгельса на социалистическую революцию как смену взглядов: от уверенности, что она

обязательно будет насильственная, к мнению, что она будет ненасильственная, вроде договора между классами. Так, представитель позднего перестроения Ойзерман, философ до 1985 года, всерьез считает, что междометие, брошенное Марксом, что лучше *было бы* откупиться от буржуазии, будто бы является указанием на отказ Маркса от обязательности насильственности революции. Следовательно, и от диктатуры пролетариата (Т. И. Ойзерман, «Карл Маркс и идея насильственной революции»). Что еще можно было ждать от старика.

Бывший член КПСС Г. Х. Попов считает, что большевики насильственно толкнули незрелую страну в социалистическую революцию, причем был построен социализм не по Марксу, а бюрократический социализм («Ленинский тупик»).

Публицист Кара-Мурза полагает, что Октябрьская революция 1917 года в России входила в противоречие с положениями марксизма, согласно которым сопротивление капитализму, не исчерпавшего своего потенциала развития производительных сил, является реакционным.

Кара-Мурза считает, обильно приводя стандартные цитаты, что для мышления Маркса и Энгельса были характерны евроцентризм и русофобия («Маркс против русской революции»), но одобряет действия большевиков, которые якобы наплевали на весь марксизм, на всю политэкономии, на все законы истории и принялись стряпать так, как бог на душу положит, по обстоятельствам. При этом утверждает, что в СССР был построен социализм, а считать строй в СССР госкапитализмом – явная ошибка. Видимо, разум Кара-Мурзы оказался слаб для постижения элементарных категорий политэкономии, зато на него слишком сильное впечатление произвели заголовки в печатном органе КПСС – газете «Правда». Уровень мозговых способностей Кара-Мурзы с прецизионной точностью рисует сравнение со сценой из «Золотого тельца». Паниковский объясняет Шуре Балаганову, что гири у Корейко – золотые. «Не может быть!» - делает попытку усомниться Балаганов. «Что Вы такое говорите, какая чепуха, какие же они еще?!» С этим бездонно логичным аргументом Шура вынужден согласиться... Так старается Кара-Мурза оправдать свое привилегированное положение в советском обществе.

Понятно, что сталинистская традиция полностью следует за высказанным своим кумиром, начисто игнорируя то, что было высказано Лениным, Марксом, Энгельсом. Что ж, в таком случае в 1917 году в России произошла, правда, в особой форме, просто буржуазная революция? Попробуем разобраться.

Маркс в 1850 г. пишет: «Кто же разрешает задачу рабочего? Никто. Разрешается она не во Франции, она здесь только провозглашается. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; война классов внутри французского общества превратится в мировую войну между нациями. Разрешение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии.»

Энгельс в 1893-м повторяет: «Ни французам, ни немцам, ни англичанам, никому из них в отдельности, не будет принадлежать слава уничтожения капитализма; если Франция - может быть - подаст сигнал, то в Германии будет решен исход борьбы, и все же еще ни Франция, ни Германия не обеспечат окончательной победы, пока Англия будет оставаться в руках буржуазии. Освобождение пролетариата может быть только международным делом.»

То есть, **социалистическая революция может иметь только международный характер**. Когда она охватывает Европу, Маркс бросает теоретические труды и едет в Кёльн, чтобы попасть в гущу событий. Однако, когда революция еще в разгаре, неожиданно срывается и вновь усаживается за теорию.

Энгельс позже напишет: «После поражения 1849 г мы отнюдь не разделяли иллюзий вульгарной демократии... Она рассчитывала на скорую и окончательную победу "народа" над "тиранами", мы же - на продолжительную борьбу... Вульгарная демократия со дня на день ждала нового взрыва; мы еще осенью 1850 г заявили, что, во всяком случае, *первый* этап революционного периода закончился, и что до наступления нового мирового экономического кризиса ничего не произойдет.

Однако история показала, что не правы были и мы, что взгляд, которого мы тогда придерживались, оказался иллюзией. ...

История показала, что и мы, и все **мыслившие подобно нам были не правы**. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это той экономической революцией, которая с 1848 г охватила весь континент и впервые действительно утвердила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше и недавно в России, а Германию превратила прямо-таки в первоклассную промышленную страну, - и все это на капиталистической основе, которая, таким образом, в 1848 г обладала еще очень большой способностью к расширению.»

То есть, Маркс и Энгельс не смогли определить тот уровень развития производительных сил, когда происходит победоносная социалистическая революция. Азбука марксизма: «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, не может ни перескочить через естественные фазы своего развития, ни отменить последние декретами.» В 1948-м общество не смогло «перескочить» определенный период развития производительных сил.

8 октября 1858 года Маркс пишет Энгельсу: «...Нельзя отрицать, что буржуазное общество вторично пережило свой шестнадцатый век, такой шестнадцатый век, который, я надеюсь, так же сведет его в могилу, как первый вызвал его к жизни. Действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка, по крайней мере, в его общих чертах, и производства, покоящегося на базисе этого рынка. Поскольку земля кругла, то, по-видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершен. Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение?»

Оказалось, что процесс возникновения всеобщего рынка не будет завершен и к 2012 году, когда он только готов завершиться. Напр., Россия вступит в ВТО, страны Латинской Америки согласятся с зоной АЛКА. Ты хорошо роешь, старый крот!

В январе 1859 г. в предисловии к «Критике политической экономии» Маркс утверждает: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все силы, для которых она даст достаточный простор, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия в недрах старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия для ее разрешения или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения.»

Троцкий повторяет эту мысль Маркса:
«Социализм в отдельной стране?»

«Промышленно более развитая страна показывает менее развитой лишь образ ее собственного будущего». Это положение Маркса, методологически исходившее не из мирового хозяйства как целого, а из отдельной капиталистической страны как

типа, становилось тем менее применимо, чем более капиталистическое развитие охватывало все страны, независимо от их предшествующей судьбы и экономического уровня. Англия показывала в свое время будущее Франции, значительно меньше – Германии, но уже никак не России и не Индии. Между тем русские меньшевики понимали условное положение Маркса безусловно: отсталая Россия должна не забегать вперед, а покорно следовать готовым образцам. С этим «марксизмом» соглашались и либералы.

[Троцкий Л. Д. История русской революции – М.: ТЕРРА; Республика, Т. 2. 1997. С. 337]

Другая, не менее популярная формула Маркса: «общественная формация гибнет не раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она открывает простор...», исходит, наоборот, не из отдельно взятой страны, а из смены универсальных общественных укладов (рабство, средневековые, капитализм). Между тем меньшевики, взяв это положение в аспекте отдельного государства, сделали вывод, что русскому капитализму остается еще пройти большой путь, прежде чем он достигнет европейского или американского уровня. Но производительные силы не развиваются в безвоздушном пространстве! Нельзя говорить о возможностях национального капитализма, игнорируя, с одной стороны, развертывающуюся на его основе классовую борьбу, а с другой – его зависимость от мировых условий. Низвержение буржуазии пролетариатом выросло из реального русского капитализма, превратив тем самым в ничто его абстрактные экономические возможности. Структура хозяйства, как и характер классовой борьбы в России, определялись в решающей степени международными условиями. Капитализм достиг на мировой арене такого состояния, когда он перестал оправдывать свои издержки производства, понимаемые не в коммерческом, а в социологическом смысле: таможи, милитаризм, кризисы, войны, дипломатические конференции и другие бичи поглощают и расточают столько творческой энергии, что, несмотря на все достижения техники, для роста и благосостояния и культуры не остается больше места.

Парадоксальный по внешности факт, что первой жертвой за грехи мировой системы пала буржуазия отсталой страны, на самом деле вполне закономерен. Еще Маркс наметил его объяснение для своей эпохи: «насиленные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там». Под чудовищными тяготами империализма должно было прежде всего пасть государство, которое не успело накопить большого национального капитала, но которому мировое соперничество не давало никакой скидки. Крах русского капитализма явился местным обвалом универсальной общественной формации. «Правильная оценка нашей революции, – говорил Ленин, – возможна только с точки зрения международной».

Октябрьский переворот мы свели в последнем счете не к факту отсталости России, а к закону комбинированного [стр. 338] развития. Историческая диалектика не знает голой отсталости, как и химически чистой прогрессивности. Все дело в конкретных соотношениях. Нынешняя история человечества полна «парадоксов», не столь грандиозных, как возникновение пролетарской диктатуры в отсталой стране, но подобного же исторического типа. Тот факт, что студенты и рабочие

отсталого Китая жадно усваивают доктрину марксизма, тогда как рабочие вожди цивилизованной Англии верят магической силе церковных заклинаний, свидетельствует с несомненностью, что в известных областях Китай обогнал Англию. Но презрение китайских рабочих к средневековому тупоумию Макдональда не дает оснований для вывода, что по общему развитию Китай выше Великобритании. Наоборот, экономический и культурный перевес последней может быть выражен точными цифрами. Их внушительность не помешает, однако, тому, что рабочие Китая могут оказаться у власти раньше, чем рабочие Великобритании. В свою очередь, диктатура китайского пролетариата вовсе еще не будет означать построение социализма в границах Великой китайской стены. Школьные, прямолинейно-педантские или слишком короткие национальные критерии не годятся для нашей эпохи. Россию из ее отсталости и азиатчины выбило мировое развитие. Вне переплета его путей не может быть понята и ее дальнейшая судьба.

Буржуазные революции направлялись в одинаковой мере против феодальных отношений собственности и против партикуляризма провинций. На освободительных знаменах рядом с либерализмом стоял национализм. Западное человечество давно растоптало эти детские башмаки. Производительные силы нашего времени переросли не только буржуазные формы собственности, но и границы национальных государств. Либерализм и национализм стали в одинаковой мере оковами мирового хозяйства. Пролетарская революция направляется как против частной собственности на средства производства, так и против национального раздробления мирового хозяйства. Борьба народов Востока за независимость включается в этот мировой процесс, чтобы затем слиться с ним. Создание национального социалистического общества, если бы такая цель была вообще осуществима, означало бы крайнее снижение экономического могущества человека; но именно поэтому оно неосуществимо. Интернационализм – не отвлеченный принцип, а выражение экономического факта. [стр. 339]

Как либерализм был национален, так социализм интернационален.»

Здесь Троцкий не понимает, что ВОЗМОЖЕН период, когда в ходе развертывания *тенденции* капитала к централизации более могущественные страны будут «экспроприровать» менее могущественные – точно так же, как в начале XX в. мелкие банки поглощались более крупными.

В 1-м томе капитала Маркс в главе «Историческая тенденция капиталистического накопления» указывает на процесс превращения индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные: «превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих... Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. ... Эта экспроприация совершается ... путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих других. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда

в постоянно растущих размерах, ...а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Постоянно уменьшается количество магнатов капитала. ...

«В каждом данном обществе, - утверждает Маркс, этот предел был бы достигнут лишь в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста или одной-единственной компании капиталистов.»

Тенденция – означает направленную общественную силу. Но вовсе не однозначность, вовсе не отрицание противодействующих тенденций.

Троцкий упоминает фразу Маркса о невозможности перескочить этапы развития в 1931-1933 гг. Но в 1936-м он, подводя итог, пишет потрясающую вещь: «Россия вступила на путь пролетарской революции не потому, что ее хозяйство первым созрело для социалистического переворота, а потому, что оно вообще не могло развиваться на капиталистических основах. Обобществление собственности на средства производства стало необходимым условием прежде всего для того, чтобы вывести страну из варварства... разрешить те технические и производственные задачи, которые давно разрешил передовой капитализм.» («Что такое С.С.С.Р. и куда он идет?») Изд-во «Слово», стр. 33)

Редкая околесь. К тому же здесь Троцкий, как школьник, путает общественную собственность и государственную. Правда дальше, на 242-й странице, пытается исправиться, говоря, что власть в СССР выступает против «социалистического характера государственной собственности». Увы, плохо получилось.

Что же писали классики о возможной революции в России?

«... только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, - отвечает Энгельс на письмо Ткачева, - становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигают лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где, хотя нет пролетариата, но зато нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма. ...

русская крестьянская община, а вместе с ней и вся Россия перескочить прямо в коммунизм, минуя фазу капиталистического развития. ...

Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе... свершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, - в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимый связанный с этим переворот во всей системе земледелия.» («О социальном вопросе в России»)

В 1881 г. в предисловии к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» классики утверждают: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития.»

Что Ленин, развив мысль классиков, и взял на вооружение: Россия – страна отсталая, но в нее переместился центр революционного брожения. Если революция в России разорвет цепь империализма, и революция вспыхнет в развитых странах, передовой пролетариат этих стран поможет рабочему классу России преодолеть необходимую фазу развития.

Наоборот, социалистическая революция в отдельно взятой стране, утверждает Ленин (как вспоминал переводчик «Капитала» Скворцов-Степанов) – мелкобуржуазный идеал.

26 мая 1918 года Ленин в речи на I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства говорит: «Мы не закрываем глаза на то, что нам одним - социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны, - в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить...»

С этим был полностью согласен и Сталин, который даже после смерти Ленина в «Вопросах ленинизма» не мог не написать следующее:

«Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране — еще не значит обеспечить полную победу социализма. Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и Должен построить социалистическое общество. Но значит ли это, что он тем самым достигнет полной, окончательной победы социализма, т. е. значит ли это, что он может силами лишь одной страны закрепить окончательно социализм и вполне

*гарантировать страну от интервенции, а значит, и от реставрации? Нет, не значит. Для этого необходима победа революции **по крайней мере в нескольких странах** (выделено мной, Б. И.). Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не, как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах.»*

Троцкий указывает возражающему Бухарину, что мировая революция нужна в виду наличия экспорта и импорта товаров.

Троцкий еще участник событий, он еще не говорит о «невозможности развиваться по капиталистическому пути».

Однако дело вовсе не в экспорте-импорте, здесь Троцкий сильно ошибается! Представим, что на планете вообще одна Россия, армия не нужна, экспорт-импорт не нужен, страна большая, отчего бы не построить социализм?

Нельзя. Потому что Россия – отсталая страна. **Отсталая Россия требует революции в развитых странах.** Нельзя при полуфеодальном строе пытаться совершить социалистическую революцию. Потому что общественное разделение труда неминуемо влечет деление общества на классы. Отсюда – наличие буржуазного государства. Значит, никакого переходного периода, социализма, к бесклассовому обществу, коммунизму, не ожидается. Рабочий класс к 1917 году в России только нарождался, ему предстояло еще расти, а вовсе не исчезать – с грубым, отупляющим физическим трудом. А вместе с классами состоялось и государство, которое не отмирало, а усиливалось, и было орудием подавления одним, КПСС-овским, капиталистическим классом других классов – рабочих, крестьян, естественно-научной интеллигенции (гуманитарии – пристежка КПСС).

Что ж, после 2-й мировой войны кроме Прибалтики социалистическими действительно стало *несколько* стран: Польша, Румыния... Сильно нам помогли.

Но после XVII Съезда ВКПб Сталин вообще отмежевался от мировой революции! Вот его интервью Рою Говарду 1 марта 1936 года: «Как обстоит дело с планами и намерениями насчет мировой революции? - Таких планов и намерений у нас никогда не было. - Но ведь... - Это является плодом недоразумения. - Трагическим недоразумением? - Нет, комическим, или, пожалуй, трагикомическим.»

В «Истории русской революции» Троцкий так оправдывает приставку «социалистическая» к Октябрьской революции: мол, общество развивается комбинированно, Россия – страна большая, ну, и что, что прорва крестьянства, зато есть развитые промышленные районы. Вот они-то и готовы к социализму. В этих районах – миллионы рабочих. В Англии революция произошла при 5,5-миллионном населении, когда половина его – в Лондоне, в революционной Франции – всего 25 млн...

Ленин в «Докладе о текущем моменте» указывает, что главная ошибка Каменева состоит в том, что он смотрит назад, на революции прежних времен. Действительность же дала слишком много нового, которое необходимо учитывать при разработке стратегии и тактики большевизма. Движущие силы революции, - продолжает Ленин, - мы определили совершенно верно. Хотя революция в России является по своему содержанию буржуазной, говорит Ленин, ее руководителем, гегемоном выступает пролетариат, а не буржуазия, как утверждали меньшевики.

То есть, по своим движущим силам и по цели революция 1917-го – социалистическая. По своим задачам, главное, по результатам – буржуазная. Так?

Нет, не так.

Сегодня мы видим, что сталинисты, анархисты, троцкисты полагают, что диалектика отношений базиса и надстройки позволяет устроить социалистическую революцию при любом уровне развития производительных сил. Троцкисты (напр., Международный Союз трудящихся) уже которое десятилетие твердят, что на дворе – революционная ситуация.

Сегодня мы видим, что *доктринеры* вслед за либералами типа Аверкиева, Фреда Анаденко или Г. Попова, наоборот, жестко привязывают надстройку к ноге базиса – **в отдельно взятой стране** – и потому определяют революцию 1917 года как буржуазную, при этом цитируют одни и те же, что у Кара-Мурзы, высказывания Маркса и Энгельса.

Казалось бы – всё верно: 26 мая 1918 года Ленин еще раз объясняет делегатам I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства: «Мы не закрываем глаза на то, что нам одним - социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны, - **в одной**

стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить...»

Однако через пять лет Ленин пишет: «Перелистывал эти дни записки Суханова о революции, - пишет Ленин. - Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорочками, когда речь идет о мельчайшем отступлении от немецкого образца, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому.

Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость²¹⁴, ими абсолютно не поняты, и даже не замечены, например, указания Маркса в его переписке, относящейся, помнится, к 1856 году, когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением, — даже это прямое указание они обходят и ходят кругом и около него, как кот около горячей каши.»

Зато мы с вами не ходим.

Повторим, что писал Энгельс: «... История показала, что и мы, и все мыслившие подобно нам были не правы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства...»

Не в 1856-м, а в 1858-м Маркс, как мы читали выше, пишет Энгельсу: «... Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество прodelывает еще восходящее движение?»

И еще раз в январе 1859 г. в предисловии к «Критике политической экономии»: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все силы, для которых она даст достаточный простор, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия в недрах старого общества.»

И в Манифесте в 1881-м: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе...»

Но тут-то как раз Ленин и разъясняет: «Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало. До сих пор мы видим, что буржуазия богатейших стран не может наладить «нормальных» буржуазных отношений после этой войны, а наши реформисты, мелкие буржуа, корчащие из себя революционеров, считали и считают пределом (его же не преjdeши) нормальные буржуазные отношения, причем понимают эту «норму» до крайности шаблонно и узко.

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?

...

... «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции.

Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

(«О нашей революции», 16 января 1923 г.)

И далее: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу. ...

Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто

этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками.»

17 января 1923 г.

Нет, нет, нет! Речь идет не о том, что отсталая Россия тогда не созрела. А о том, что **развитые страны Запада не созрели**. Они не созрели по сей день!

Но давайте вспомним, что предлагали меньшевики. После завершения следующей после 1905 г. революции, которая, конечно, буржуазная, Кускова, Аксельрод и др. собирались отдать власть буржуазии, а самим встать в оппозицию (Э. Карр, «История советской России»). Однако русская буржуазия, опасаясь рабочего класса, всеми силами цеплялась за монархию. К тому же 50% экономики страны принадлежало иностранному капиталу. Потому – вне зависимости от результатов революций на западе – Ленин призывал большевиков самим стать буржуазией. И начать прогрессивные экономические преобразования «сверху», что марксизму никоим образом не противоречило. Если буржуа не торопятся синдицироваться, за них это может сделать государство. Меньшевики следовали букве Маркса. Ленин – революционному духу марксова общественного закона.

После того, как революции в развитых странах потерпели поражение, Ленин без всякого стеснения помимо III Интернационала начал устанавливать дипломатические отношения с буржуазными правительствами.

Революция 1917-го – это обратная марксова схема. Мировая революция не свершилась, пролетариат развитых стран не смог прийти на помощь отсталой России. В полемике с Сухановым Ленин утверждал, что не только базис определяет надстройку, но революционно преобразованная настройка может прорасти в базис. Но как только надстройка перестала быть революционной (чему сильно способствовал Сталин, вырезая революционеров), всё вернулось на круги своя – к капиталистическому способу производства.

Тогда какой, в таком случае, **характер был у революции 1917 года?**

Вспомним фантазии Бутенко о некоем классе, у которого слишком высокие «социальные идеалы». С «обратной» стороны, вспомним, что «опыт» диктатуры пролетариата во время Парижской Коммуны никакого отношения к пролетариату не имел. В событиях участвовали ремесленники, фонарщики, булочники (Лавров, «История Парижской Коммуны»). Но

Маркс упорно называл их пролетариатом, т.е. продающим свою рабочую силу капиталисту.

Нужно понять, с одной стороны, что революция – это не просто событие в данной стране, которое меняет в ней способ производства. В другой, менее развитой стране, может сохраняться, причем длительное время, прежний способ производства. Но общественно-экономическая формация – это не производственная, а историческая категория. Это вся совокупность революций в жизни данного способа производства.

Но не столько связность разных стран здесь определяет, как бы это хотелось приверженцам Валлерстайна с его миро-системами. В каждой отдельно взятой стране революция, меняющая способ производства – не одномоментное событие. Это **процесс**. Призрак капитализма в странах Европы бродил столетиями, тем не менее, первые революции всё же названы – и справедливо – буржуазными. Точно так же и революция 1917 года – не по **начальному** результату, когда в СССР к 30-м годам укрепился государственный капитализм – а по целям, характеру и **историческому** содержанию – социалистическая.

«Когда страна вступила на путь величайших преобразований, - говорит Ленин, - тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется. ...Этого опыта, чтобы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание.» (Ленин, речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, ПСС, т. 36, стр. 381-382)

ЧТО ТАКОЕ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА?

Здесь мы сталкиваемся с прямым, неприкрытым обманом трудящихся. Вот один из сайтов:

«На III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Ленин напомнил опыт Парижской Коммуны, когда рабочие продержались 2 месяца и 10 дней и были расстреляны, заплатив тяжелыми жертвами за первый опыт рабочего правительства, смысл и цели которого не знало громадное большинство французских крестьян. Ленин говорил: «Нет ни одного социалиста, который бы не признавал той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий, более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата...»

<http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Gotha/gotha.html#p11>

То есть, оказывается, что между капитализмом и коммунизмом лежит не один, а целых два переходных периода? Возможно, Ленин оговорился? Может быть. Еще бы: как сказать о переходе к коммунизму в аграрной отсталой стране. Чтобы это означало – что в стремлении достичь бесклассового общества быстрее всего было бы уничтожить крестьян?

Возможно, составители собрания сочинений Ленина сознательно исковеркали его слова? Может быть. В любом случае составители-сталинисты постарались сотворить из одного неверного слова целую систему.

В Предисловии к т 36 на стр. XIV читаем:

«Ленинский план социалистического строительства основывался на объективных закономерностях перехода от капитализма к социализму, всецело отвечал назревшим потребностям общественного развития страны, опирался на глубокий научный анализ экономики и классов переходного периода. Раскрывая своеобразие экономики России в переходный период, Ленин показал, что в ней переплетались "элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма", элементы пяти различных общественно-экономических укладов (патриархальное, мелкое товарное производство, частно-хозяйственный капитализм, государственный капитализм, социализм). Экономика переходного периода соединяет в себе черты и свойства строящегося социализма и свергнутого, но еще не уничтоженного капитализма; борьба между социализмом и капитализмом составляет основное содержание переходного периода, задача которого — создание

"таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия" (стр. 175).»

Но у Ленина всё по-другому, там нет никакого «переходного периода»: «Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия... учет и контроль еще не достигнут... («Очередные задачи сов власти», апрель 1918 г.)

В Предисловии к т. 44 ППС на стр. IX сталинисты-составители усугубляют:

«В. И. Ленин учил, что в переходный период от капитализма к социализму диктатура пролетариата необходима прежде всего для подавления сопротивления остатков эксплуататорских классов, а также для вовлечения трудящихся масс в строительство социализма.»

На самом деле Ленин требовал вовлечь трудящихся в суды, в государственную работу, а вовсе не в строительство социализма. И не социализма, а коммунизма: «Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это ребячья, совершенно ребячья идея... Управлять хозяйством мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят, ...чтобы некоммунистическими руками строить **коммунизм**. (ПСС, Т. 45, С. 98)

Упомянутый выше сайт ссылается на работу Маркса, и стой же злосчастной стр. №27:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» (Критика Готской программы. К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., изд. 2, т. 19, с. 27.)

Мало того, что составители б-ки перепутали ссылки и данную ссылку отнесли к 27 странице, когда она на 21-й. Но слова о первой фазе отнесли на 21-ю, где ни слова о первой фазе. Нет упоминания о первой фазе и на 27-й странице. Однако сайт сообщает в скобках: «Не следует путать переходный

период от капитализма к социализму с самим социализмом, о котором Маркс говорит как о «первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества»

На самом деле о первой фазе Маркс пишет на другой странице; «Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества.» (стр. 11).

Но Маркс здесь вовсе не говорит, что диктатура пролетариата не есть эта первая фаза коммунизма.

Та же чехарда со страницами, одно к одному, на сайте <http://economics.pp.ua/perekhodny-period-ot-kapitalizma-k-sotsializmu.html>

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27).

При этом автор подпускает еще и наукообразную белиберду:

«Необходимость переходного периода от капитализма к социализму обуславливается; специфическим характером возникновения и становления социалистических производственных отношений.»

Точно такую же чепуху печатает и Википедия, с теми же ошибками.

Сталинисты не одиноки. Вот еще гражданка, близко к сердцу принявшая речь Ленина на Съезде:

Письмо Сильвии Панкхерст 28. VIII. 1919.

«... Те рабочие революционеры, которые центром своих нападений делают парламентаризм, вполне правы постольку, поскольку этими нападениями выражается принципиальное отрицание буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии. Советская власть, Советская республика — вот то, что рабочей революцией поставлено на место буржуазной демократии, вот форма **перехода от капитализма к социализму**, форма диктатуры пролетариата.»

На самом деле Маркс не писал ни о каком дополнительном переходе, не открывал еще одну фазу между капитализмом и социализмом. Он просто отождествлял диктатуру пролетариата и социализм:

«Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.» (написана в январе — марте 1850 года): «Этот социализм есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений» (Соч., т. 7, с. 91)

Т.е. социализм и диктатура пролетариата по Марксу – это одно и то же.

Но и Ленин не выдумывал дополнительную фазу. Вот что он пишет в сентябре 1917:

«Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией.»

(Отметим в скобках, что через год Ленину придется отмежевываться от обращения монополии в сторону народа, когда он будет третировать Каутского с его правительством, идущее навстречу пролетариату.) И далее:

«Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая м а т е р и а л ь н а я подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет.» (стр. 27, 28)

Но, может, Ленин и тут оговорился, может, он после III Съезда Советов переменял мнение? Ничуть. 21 апреля 1921 года в статье «О продналоге» он повторяет то же самое, что и в «Грозной катастрофе», да еще как смачно:

«Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь не о диктатуре пролетариата, не о социалистическом государстве, а о "революционно-демократическом". Неужели не ясно, что чем выше мы поднялись над этой политической ступенькой, чем полнее мы воплотили в советах социалистическое государство и диктатуру пролетариата, тем менее

нам позволительно бояться "государственного капитализма"? Неужели не ясно, что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в "преддверии" социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, "преддверие", в дверь социализма не войдешь?»

Но даже в КПРФ знают, что между социализмом и капитализмом нет промежуточных стадий, там тоже цитируют «Грозящую катастрофу». См., напр., сайт «Социализм. Работа над ошибками» (Беседа Киселева С.А., члена бюро Приморского крайкома КПРФ, с редактором газеты «Правда Приморья»). При этом всё равно говорят о строительстве социализма!

Но если сталинисты вытребовали под себя целую историческую эпоху, то некоторые троцкисты (Куренышев), а также некоторые представители РПК-РКРП утверждают, что в СССР не было ни социализма, ни советской власти, но была диктатура пролетариата! Классики пропеллером в гробу вертятся.

По Ленину социализм – это Советская власть плюс электрификация всей страны. Не надо смеяться – это хорошее определение.

Бухарин в статье «Советская власть как форма диктатуры пролетариата» пишет:

«Во-первых, пролетарское государство есть диктатура большинства над меньшинством страны, тогда как всякая иная диктатура была диктатурой кучки

Целью пролетарской диктатуры являются ломка старых производственных отношений и организация новых отношений в сфере общественной экономики, "диктаторское посягательство" (Маркс) на права частной собственности. Основной смысл пролетарской диктатуры как раз и состоит в том, что она есть рычаг экономического переворота.

Если государственная власть пролетариата есть рычаг экономической революции, то ясно, что "экономика" и "политика" должны сливаться здесь в одно целое. Такое слияние мы имеем и при диктатуре финансового капитала в его классически законченной форме, форме государственного капитализма. Но диктатура пролетариата переворачивает все отношения старого мира,- другими словами, политическая диктатура рабочего класса должна неизбежно быть и его экономической диктатурой.

Все вышесказанное вызывает прежде всего тот признак Советской власти, что это есть власть массовых организаций пролетариата и деревенской бедноты. В "демократии", столь любимой Каутским, все участие рабочего и крестьянина-бедняка в государственной жизни покоилось на том, что он раз в четыре года опускал билетик в избирательную урну и уходил потом спать. Здесь опять-таки яснее ясного виден буржуазный обман масс путем систематического вколачивания в их головы разнообразных иллюзий. По видимости рабочие принимают участие в управлении государством, фактически они полностью изолированы от какого бы то ни было участия в управлении государством. Допустить такое участие буржуазия не

может, но создавать фикцию она при известных условиях должна. Вот почему всякая форма правления меньшинства, будь то феодально-помещичье, торгово-капиталистическое или финансово-капиталистическое государство, неизбежно должна быть бюрократична. Она всегда, при всех и всяких условиях изолирована от масс, а массы изолированы от нее.

Совсем иное видим мы в Советской республике. Советы - непосредственная классовая организация. Это - не забронированные учреждения, ибо проведено право отзыва каждого депутата: это - сами массы в лице их выборных, в лице рабочих, солдат и крестьян.

Но дело не только в одних Советах, составляющих, так сказать, верхушку всего государственного аппарата. Нет, все рабочие организации становятся частями аппарата власти. Нет ни одной массовой организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Профессиональные союзы рабочих - важнейшие органы экономической диктатуры, управляющие производством и распределением, устанавливающие условия труда, играющие крупнейшую роль в центральном учреждении экономической диктатуры - Высшем совете народного хозяйства, фактически ведущие работу Комиссариата труда; фабрично-заводские комитеты - нижние ячейки государственного регулирования; комитеты деревенской бедноты - один из важнейших органов местной власти и в то же время распределительного аппарата страны; рабочие кооперативы - точно так же ячейки этого последнего. Все они принимают участие в выработке всяческих проектов, решений, постановлений, которые потом проходят через центральный аппарат - Центральный Исполнительный Комитет или Совет Народных Комиссаров.

В одной из самых замечательных своих брошюр тов. Ленин писал, что задача пролетарской диктатуры заключается в том, чтобы приучить даже каждую кухарку к управлению государством. И это был вовсе не парадокс. Через организации пролетариев города и деревенской бедноты, - организации, которые все глубже и глубже захватывают самую толщу народных масс, - эти массы, боявшиеся когда-то и думать о своей власти, начинают работать как органы этой власти. Никакое государство никогда и нигде не было таким близким к массам. Советская республика есть в сущности громадная организация самих масс.

В "демократических республиках" высшим органом является "парламент", в переводе на русский язык - "говорильня". Власть делится на законодательную и исполнительную. Путем посылки депутатов от рабочих в парламент (раз в 4 года) создается опять-таки фикция, что рабочие принимают участие в государственной работе. Но на самом деле этого не делают даже депутаты, ибо они говорят. Все же дела вершит специальная бюрократическая каста.

В Советской республике законодательная власть соединена с исполнительной. Все ее органы, от самого верхнего до самого нижнего, суть работающие коллегии, связанные с массовыми организациями, опирающиеся на них и втягивающие через них всю массу в дело социалистического строительства.

Таким образом, все рабочие организации становятся правящими организациями. Их функциональное значение изменяется. Иначе и не может быть в период пролетарской диктатуры, когда господином положения является рабочий класс, когда само государство есть рабочая организация.»

22 декабря 1922 года был образован Союз Советских Социалистических Республик. В Конституции СССР и Конституциях союзных республик отразились изменения в системе Советов. Съезд Советов СССР стал верховным органом власти. Однако через год, когда Ленин лежал больной в Горках и не мог повлиять на события, XII Съезд РКПб зафиксировал редкую чушь: «Диктатура пролетариата выражается в форме диктатуры партии.»

«Но диктатура класса, - поясняет Плеханов партийным баранам, - как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни.

Одно понимание этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и **умеющий самостоятельно обсуждать свое положение.**

Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но **такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям.** Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить **самостоятельным деятелем** на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного **опекуна** к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что **такая опека была бы вредной**, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее **«железный канцлер» или революционная организация.** («Социализм и политическая борьба»)

В 1920 г. наиболее сознательные рабочие ушли на фронты гражданской войны. Те из них, кто остался жив – в массе своей стали костяком новой власти, частью большевистской номенклатуры, утратив связь с классом. Тем временем, основные промышленные центры обезлюдели. В Москве осталась только половина, а в Петрограде – треть довоенного населения. Промышленность лежала в руинах, промышленное производство упало в семь раз, а выплавка металла – в сорок.

Но даже диктатуры партии не было. Ленин в последних письмах четко указывает, что нет ни диктатуры партии, ни, тем более, диктатуры пролетариата, а ситуация в стране определяется тонким слоем партийных руководителей человек в 50.

В начале 1917 года РСДРП(б) насчитывала 23 тысяч человек. Однако многие из них погибли на гражданской войне. Так что, когда в 1922 ВКП(б) уже насчитывала почти 700 тысяч, «старая гвардия» составляла лишь 2%.

В письме Молотову, Ленин утверждает: «Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своему недостаточно пролетарская. Я думаю, никто не может оспорить этого, и простая справка со статистикой подтвердит это положение... в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него.» (ПСС, т. 45, с.17-18, 1922 г.)

Ленину остается только писать письма съезду.

«ДОБАВЛЕНИЕ К ПИСЬМУ ОТ 24 ДЕКАБРЯ 1922 г.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Записано Л. Ф.

4 января 1923 г.»

Юрий Мухин утверждает, что на XIX съезде ВКП(б) в 1952 году партийные органы были отграничены от Советской власти, больше того, власть от партии была передана Советам. Однако быстро вернулись к прямому руководству после смерти И. В. Сталина. Википедия повторяет эту ересь, причем ссылается на Мухина. Во-первых, власть не дают. Ее берут. Во-вторых, как можно было передать функции управления тем же руководителям ВКПб, коль скоро они и возглавляли Советы. Если же их удалить из Советов, как можно было дать в руки функции управления тем, кто никогда этим не занимался? В-третьих, как же это в 1952 году власть ушла из рук Сталина?

Мухин следует расхожей сталинистской пропаганде, что Ленин был западник, теоретик, России не знал, а вот Сталин – практик, который внес в марксизм новое:

«Вернулся Ленин в Россию только после Февральской революции в 1917 г., и надо отдать должное его мужеству и упорству за то, что он, не имея никакого опыта, взял власть в России в то время, когда ее уже все боялись брать: до такого маразма довели государственную власть в России отобравшие ее у царя либералы. ...

Совершенно другую судьбу имел другой вожь большевиков – И.В.Сталин. Вступил в партию в 1898 г., революционную работу вел только в России, за границей бывал лишь на съездах партии. В связи с этим народ России он знал и понимал прекрасно, в работе руководствовался не столько догмами Маркса и теоретическими рассуждениями, сколько реальным состоянием дел.»

Мы знаем, что именно Ленин следовал не «догмам» Маркса, а реальному состоянию дел. И почему, если Сталин редко бывал за границей, он прекрасно знал Россию? Или Ленин всю жизнь прожил за рубежом?

Вот как Мухин представляет дело:

«В чистом виде (по конституциям 1918, 1924, 1936 гг.) население страны избирало тайным голосованием депутатов высшего законодательного органа страны – Верховного Совета. Депутаты ВС ("Советская власть") принимали законы страны и назначали Правительство СССР – Совет Народных Комиссаров (с 1946 г. – Совет Министров). Правительство руководило страной: организовывало всех на исполнение Законов и Указов Верховного Совета, т.е. "Советской власти".

Правительство состояло из народных комиссариатов (министерств), руководили ими народные комиссары (министры), их всех возглавлял председатель Совета Народных Комиссаров (председатель СовМина) – глава страны. Главами СССР... были: В.И.Ленин – по 1924 г., А.И.Рыков – по 1930 г., В.М.Молотов – по 1941 г., И.В.Сталин – по 1953 г.

ВС СССР... собирался на свои сессии не реже двух раз в год, в промежутках законодательную власть осуществлял (менял министров, издавал указы и т.д.) ЦИК ВС. В 1938 г. он был переименован в Президиум ВС СССР. Председателями ЦИК (Президиума) были: Я.М.Свердлов – по 1919 г., М.И.Калинин – по 1946 г., М.К.Шверник – по 1953 г., в 1953 г. – К.Е.Ворошилов.

Так большевики задумывали власть, так они и начали ее организовывать. Т.е. члены партии большевиков агитируют население, объясняют ему выгоды социализма и коммунизма; воодушевленное население избирает большевиков или сочувствующих депутатами в Верховный Совет, а Верховный Совет принимает социалистические законы и планы, назначает социалистическое правительство.

Схема очень простая, очень ясная и безусловно работоспособная, но после реального взятия власти... у большевиков с этой схемой ничего не получилось. И вот по каким объективным (не зависящим от них) причинам.

Во-первых. Хотя в связи с общинной формой землепользования Россия действительно была одной из наиболее готовых для социалистических преобразований стран, но все же **социалистический отказ от стяжательства, от алчности не сидел в населении глубоко**. Как бы ни агитировали население немногочисленные большевики... но гарантировать, что население изберет коммунистически настроенных депутатов, было нельзя. (Поэтому, кстати, всеобщее равное избирательное право было введено только Конституцией 1936 г., а до этого практиковалось и лишение избирательных прав, и непропорциональное избирательное право: от рабочих... избиралось больше депутатов, чем от крестьян).

Во-вторых. Министры-коммунисты – это еще не вся система власти, кроме министров для власти требуются и сотни тысяч чиновников-специалистов. Своих чиновников у большевиков не было, а царские отнюдь не собирались в одночасье отказаться от алчности и стяжательства. Т.е. какие бы коммунистические законы ВС ни принимал, аппарат управления страной не спешил организовывать население на исполнение этих законов.

Поэтому практически немедленно после взятия власти **большевики были вынуждены установить за чиновничьим аппаратом (от аппарата армии до аппарата пенсионного обеспечения) контроль**. Сначала при помощи представителей коммунистического правительства – комиссаров. Но это была полумера, комиссары действовали в одиночку, им не на кого было опереться.

И вот тогда большевики вынуждены были пойти на единственно возможную меру: они реорганизовали партию во всеобъемлющую организацию контроля за властью. Если отвлечься от причин, по которым они вынуждены были на это пойти, и рассматривать это академически, *in vitro* (в пробирке), то это было двойным преступлением – и против власти, и против партии. Но другого выхода не было.

Почему это преступление против власти? Потому что основа любой власти – единоначалие. Только при единоначалии у власти есть ответственные. При двух начальниках над одним делом – официальном и контролере за ним, – называй их хоть тысячу раз ответственными, ответственность за дело исчезает. ... большевики несли в то время единственную и полную ответственность за результаты своего правления, а чисто государственные чиновники – нет!

Вот, к примеру, чиновники железнодорожного ведомства России на службе у большевиков. Скажем, из-за плохого управления ими станцией или дорогой белые или восставшие крестьяне захватят эту местность, эту станцию или дорогу. Что сделают белые или мятежные крестьяне с железнодорожниками? Да ничего, железнодорожники будут точно так же работать на своих местах и при белых, и при мятежниках. А что они сделают с контролировавшими этих железнодорожников коммунистами? Правильно – повесят! Для большевиков-контролеров наступит момент очень большой ответственности за собственную плохую работу и за плохую работу контролируемых чиновников. Поэтому в тот момент истории нашей Родины именно такое двоевластие было оправданным, поскольку контролеры отвечали за дело в большей мере, чем его исполнители. Но отвечали по факту, а не по осмысленным государственным законам; повторю, **по конституциям страны такой контроль коммунистов над органами Советской власти не был предусмотрен. Прошу читателей это запомнить.»**

Видим, что у Мухина опять, всё тот же плохой народишко попался. Жадный, алчный! Ну, не до конца социалистический. Не дотягивал до святости вождей. То, что большевики вовсе не собирались следовать схеме Мухина, и «задумывали власть» вовсе не как плюгавый парламент, нарисованный Мухиным, мы хорошо знаем. Мухин просто стерилен в данных вопросах. Разумеется, никакого двоевластия в СССР и тени не было. Мухин это нафантазировал. Вспомните: контроль рабочих за госчиновником и есть власть рабочих. Чтобы как-то оправдать тот факт, что никакой Советской власти в СССР не было, ни единого признака (принципа Парижской Коммуны), а была голая власть партии, Мухин придумывает отсутствие другого выхода. Причем сам называет это преступлением. Перед кем, народом? Да нет, зачем ему народ. Перед... властью! И даже перед самой собой, партией, которая была отделена Мухиным от власти. Мухин с блестящей логикой доказал, что в Катynie поляков расстреляли не НКВД, а фашисты. Но как только дело касается любимого Сталина – вся логика из головы Мухина исчезает.

Ну, как, скажем, быть с «двоевластием», когда никаких белых уже не было? Мухин следует тому же нелепому отделению чиновников от КПСС, как и свалившийся с луны Кара-Мурза.

Но не было никаких «попыток» Сталина. Мухин это выдумал. На XIX Съезде ВКПб партию переименовали в КПСС, Политбюро переименовали в Президиум. Приняли пятилетний план. Всё. Да, еще Сталин вывел из Политбюро Молотова и Микояна, но их потом вернули обратно.

Маркс пишет, что диктатура пролетариата – это переход к бесклассовому обществу. Но в СССР не было никакого движения к

бесклассовому обществу. Наоборот, рабочий класс в СССР и не думал «отмирать», ему предстояло еще расти и расти, чтобы достичь уровня развитых капиталистических стран. Даже если принять такую чушь, что диктатура пролетариата совершила переход к социализму. Так и социализм тогда тоже должен быть бесклассовым. По Марксу. А в СССР сохранялись не только колхозники, но и противоположность между умственным и физическим трудом, которую отмечал Маркс.

Но если не было диктатуры пролетариата, следовательно, не было и социализма. И «рабочего государства» тоже, Ленин ведь социализм так и называл рабочим государством. И «переродившегося рабочего государства», как это полагают троцкисты, тоже не было. Т.к. ничего в государстве от рабочего класса, кроме бантика, не было.

КАКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КЛАССОМ И ПАРТИЕЙ?

Утверждают, что коммунистические партии отличают от буржуазных партий их программа и устав. Вместо собрания людей, охваченных одной идеей, как во II Интернационале, вместо расплывчатых буржуазных партий – боевая, дисциплинированная организация – «партия нового типа». В программе – понятно, отмена частной собственности, счастье всем, власть трудящимся. В Уставе – «коммунистический» принцип демократического централизма.

Идея демократического централизма как основополагающего организационного принципа строения революционной пролетарской партии была впервые выдвинута К. Марксом и Ф. Энгельсом и реализовалась практически в организационной структуре Союза коммунистов (основан 1847, лидер – Вейтлинг, Устав Союза коммунистов - в книге: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., т. 4, с. 524—529).

Принцип демократического централизма был положен в основу устава I Интернационала, принятого на Женевском конгрессе 5-8 сентября 1866 г.

Демократический централизм — принцип организации и руководства, который был описан Лениным в его работе «Что делать?» и стал основанием политической партийной системы в «социалистических» странах.

Заметим, что отмена частной собственности в программе партии не входит в программу социалистической революции – ведь ее результатом является экспроприация, переход частной собственности на средства производства из рук буржуа в руки рабочему классу.

Принцип демократического централизма введен на состоявшемся в 1903 году II съезде РСДРП, фактически учредительном, т.к. до этого РСДРП существовала лишь на бумаге. Специально перед съездом Ленин пишет брошюру «Что делать», где убеждает, что стихийность – это плохо, а централизация, дисциплина – хорошо. Он сравнивает революционную борьбу с кораблем во время кораблекрушения: может быть только один капитан, его приказы должны исполняться беспрекословно.

Принцип содержит одновременно элементы демократии и автократии и входит в уставы КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС и Советов всех уровней. Он означает: выборность всех руководящих органов снизу доверху; периодическую отчетность всех органов перед своими организациями и перед вышестоящими органами; строгую дисциплину и подчинение меньшинства большинству; безусловную обязательность решений высших органов для низших (Устав КПСС, 1971, с. 22).

Главная идея заключается в том, что решения принятые большинством являются обязательными для исполнения всеми членами партии, в том числе и не согласными с принятыми решениями (меньшинством), если таковые будут.

Более высокая инстанция отдает более низкой инстанции приказы, но, в то же время, избирается более низкой и должна отчитываться перед ней.

Идея демократического централизма вызвала раскол Российской социал-демократической рабочей партии на её втором съезде на большевиков (которые поддержали её) и меньшевиков (которые её отвергли).

В Уставе РСДРП закреплено, что членом партии считается всякий, признающий её программу, уплачивающий членские взносы и поддерживающий партию личным участием в одной из партийных организаций.

Мартов предлагал более размытую формулировку: регулярное содействие партии. Но речь шла не о сочувствующих, не о фанатах, не о «группе поддержки», а об игроках на поле, о тех, кто действительно вполне понимает и разделяет партийную программу, настолько разделяет, что готов к систематической партийной работе.

Еще один весьма любопытный пункт разногласий – отношения между ЦК и печатным органом ЦК. До 1917 года печатный орган более централизован, ЦК – в гуще событий, в массах, раздроблен. У Ленина печать – не только пропагандист, но и организатор. И не только пролетариата: «Это леса вокруг строящегося здания партии.» Но вот беда: у ЦК и у печатного органа могут возникнуть разные мнения. Мартов предлагал создать партийный Совет, которому бы подчинялись и печать, и ЦК. Мартов предлагал создать структуру, которая бы лишь утрясала разногласия. Весьма либерально, правда?

Маркс, а позднее Либкнехт стояли на той точке зрения, что партийная печать должна быть своего рода органом контроля над центральными органами партийного управления со стороны масс. До поры Ленин ее и придерживался: редакция «Искры» («твердые искровцы») противостояла ЦК. Позднее партийная печать выродилась в примитивный орган выражения мыслей партийного руководства, рупор центрального партаппарата. И даже еще примитивнее: воли генерального секретаря. Чему способствовала статья Ленина «Партийная печать, партийная литература». В статье ничего особенного – кроме одного. В ней нет ни слова о печатном

органа партии, ни тени собственной позиции Ленина в дискуссии на II Съезде РСДРП.

Еще раз:

Сразу после Октябрьской революции через несколько дней после заседания Военно-революционного комитета был принят Декрет «О введении Государственной монополии на объявления». Цель – лишить буржуазную прессу источников дохода. Протесты с ее стороны привели к тому, что в январе 1918 г. Совнарком принял Декрет «О революционном трибунале печати», предоставлявший последнему широкие полномочия. Среди приговоров, вынесенных трибуналом, появилось постановление о закрытии меньшевистской газеты «Вперед», редактором которой был Л. Мартов. И правильно! Но речь идет не о буржуазной прессе. А о большевистской. Рассмотрим два из них.

Издательство «Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК» образовано 24 января 1922 года Декретом ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов и Совета Народных Комиссаров РСФСР. Это печатный орган Советской власти. По идее. Начало его деятельности - март 1917 г., когда готовились к выпуску первые номера будущего печатного органа Верховного Совета СССР газеты «Известия».

В 1918-м редактором был утвержден Ю. Стеклов.

(О. М. Нахамкес, в 1893 году присоединился к социал-демократам. Участвовал в социал-демократической литературной группе «Борьба», сотрудничал с марксистским журналом «Заря». В 1894 году был сослан в Якутскую область. Участвовал в революции 1905 года. В 1909—1914 годах печатался в большевистских газетах «Социал-демократ», «Звезда», «Правда», журнале «Просвещение». В 1910 году выслан за границу. С 1914 года снова в России. В 1917 году — член исполкома Петросовета, стоял на позициях революционного оборончества. Основатель журнала «Новый мир», автор многих исторических работ, монографий «Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность» (т. 1—2, 1928) и «М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность (1814—1876)» (т. 1-4, 1920—1927) и других. Репрессирован в феврале 1938 года. Умер в заключении.)

В редакцию печатного органа газеты «Правда» вошел Сталин вместе с Бухариным и Г. Я. Сокольниковым.

(Сокольников – Гирш Янкелевич Бриллиант, сын врача, окончил юридический факультет и курс доктората в области экономики Сорбонны. Владел шестью языками.

В 1905 вступил в РСДРП(б). Участвовал в событиях 1905-1907, в т.ч. в восстании в Москве в декабре 1905. Являлся партийным пропагандистом в Городском районе, затем входил в состав Сокольниковского райкома РСДРП и

Военно-технического бюро при московском парткоме. Осенью 1907 арестован, в феврале 1909 приговорён к ссылке на вечное поселение, которую отбывал в селе Рыбном Енисейской губернии. Через полтора месяца бежал за границу. Поселился во Франции, совмещал учёбу в университете с журналистской деятельностью (участием в издании газеты «За партию» и заведованием рабочим клубом «Пролетарий»).

Быстро стал одним из лидеров московских большевиков, с апреля 1917 — член московского комитета РСДРП(б) и фракции большевиков в исполкоме Моссовета.

На VI съезде РСДРП(б) (июль — август 1917) был избран членом ЦК. Входил в состав исполкома Петросовета и ВЦИК Советов. Являлся членом политбюро ЦК, созданного для подготовки вооружённого восстания против Временного правительства. После прихода к власти большевиков - член ВЦИК нового состава.

С ноября 1917 руководил национализацией банковской системы страны в качестве помощника комиссара Госбанка на правах товарища управляющего, руководителя Комиссариата бывших частных банков, члена коллегии Наркомфина. Автор проекта декрета о национализации банков.

После отказа Троцкого от руководства делегацией в Брест-Литовске, сменил его и 3 марта 1918 подписал Брестский мир.

В мае-июне 1918 — член президиума ВСНХ.

С 1918 находился на фронтах Гражданской войны, был членом Реввоенсовета 2-й и 9-й армий, Южного фронта. В 1919—1920 — командующий 8-й армией. Под его началом армия перешла в контрнаступление, совершила тяжёлый переход от Воронежа до Ростова-на-Дону, завершившийся взятием города. Затем армия, совершив быстрый обходной манёвр, вышла к Новороссийску, что означало окончательное поражение деникинской армии. За военные заслуги награждён орденом Красного Знамени.

Негативно относился к политике «расказачивания», проводимой рядом партийных и советских работников.

В 1920 — командующий Туркестанским фронтом, председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК и председатель Туркбюро ЦК ВКП(б). Руководил утверждением советской власти в Туркестане, борьбой с басмачами, проведением в короткие сроки в Туркестане денежной реформы — заменой местных обесцененных денежных знаков (туркбон) на общесоветские деньги. Во время его работы в регионе была отменена продрозвёрстка (раньше, чем в целом по стране), которая была заменена продналогом.

Осенью 1921 назначен членом коллегии Наркомфина, в 1922 - заместителем наркома финансов и фактически возглавил это ведомство. Осенью 1922 официально стал наркомом финансов РСФСР, до января 1926.

Во время его пребывания на посту наркома в СССР была введена в обращение твёрдая валюта — «червонец», приравненная к 10-ти рублёвой золотой монете царской чеканки и обеспеченная на 25 % своей стоимости золотом, другими драгоценными металлами и иностранной валютой и на 75 % — легко реализуемыми товарами и краткосрочными обязательствами.

В 1926—1928 — заместитель председателя Госплана СССР. В 1928—1929 — председатель Нефтесиндиката. В 1929—1932 — полпред (посол) СССР в Великобритании, с 1932 — заместитель народного комиссара иностранных дел.

В 1930 выведен из ЦК, переведён в кандидаты в члены ЦК. В январе 1934 подвергнут резкой критике на Московской партконференции за «ошибки в области индустриализации» — в частности, Лазарь Каганович, который до конца жизни не умел даже расписываться, заявил, что простая колхозница политически грамотнее «учёного» Сокольников.

За всё то, что Сокольников совершил как революционер и государственный деятель, 26 июля 1936 года он был арестован, 30 января 1937 года приговорён к 10 годам тюрьмы, его убийство 21 мая 1939 г. (как и Карла Радека за два дня до этого) было произведено под руководством старшего оперуполномоченного НКВД Кубаткина, действовавшего по прямому указанию Л. П. Бери и Б. З. Кобулова; распоряжение о ликвидации заключённых исходило лично от Сталина. Жену Сокольникова и дочь отправили на 18 лет в концлагерь.

Бухарин Николай Иванович, сын школьного учителя, талантливый экономист.

В 1905—1907 г. принимал активное участие в демонстрациях, организованных студентами Московского университета. В 1906 году вступил в РСДРП, примкнув к большевикам. В возрасте 19 лет в 1907-м вместе с Григорием Сокольниковым организовал в Москве молодёжную конференцию 1907 года, предшественницу комсомола.

В 1908—1910 годах — член Московского комитета РСДРП, вёл работу в профсоюзах. В июне 1911 года арестован и сослан на 3 года в Онегу (Архангельская губерния), в том же году бежал из ссылки. В ряде стран был арестован и сидел в тюрьме.

В 1917 году избран членом ЦК РСДРП(б), после чего работал в Московском комитете партии и редактировал печатное издание «Известия Московского военно-революционного комитета»

25 сентября 1919 Бухарин стал жертвой террористического акта: он был ранен бомбой, брошенной террористами-анархистами в помещение Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке.

В октябре 1919 года совместно с Евгением Преображенским (тоже уничтоженным Сталиным) написал выдержавшую впоследствии более 20 переизданий книгу «Азбука коммунизма».

После смерти Ленина делал акцент на необходимости дальнейшего проведения экономических реформ в русле НЭПа. Выдвинул знаменитый лозунг (1925), обращённый к крестьянам: «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте своё хозяйство!», указав, что «социализм бедняков — это паршивый социализм».

В 1928 в духе ленинского «Декрета о земле» выступил против ускоренной коллективизации, предлагая тот путь, когда кооперация и общественный сектор (многоукладная экономика) будут постепенно экономически вытеснять индивидуальное хозяйство, а середняки не будут подлежать устранению как класс, а будут постепенно уравнены с остальными жителями деревни. В опубликованной в

«Правде» статье «Заметки экономиста» Бухарин объявил единственно приемлемым бескризисное развитие аграрного и индустриального сектора, а все другие подходы (в первую очередь сталинский) — «авантюристическими».

На апрельском Пленуме ЦК и ЦКК (1929) Сталин заявил, что «вчера ещё личные друзья, теперь расходимся с ним в политике». Пленум завершил «разгром группы Бухарина», а сам Бухарин был снят с занимаемых постов. Отказавшись «покаяться», 17 ноября 1929 он был выведен из Политбюро ЦК.

В 1929—1932 являлся членом Президиума ВСНХ СССР, заведующим научно-техническим управлением. С 1932 — член коллегии Наркомата тяжёлой промышленности СССР. В 1931—1936 годах он был издателем научно-популярного и общественного журнала «Социалистическая реконструкция и наука» («СоРеНа»). Бухарин был одним из редакторов и участником первого издания БСЭ.

12 января 1929 года был избран действительным членом АН СССР по социально-экономическим наукам. С 1930 года председатель Комиссии по истории знаний (КИЗ), с 1932 года директор образованного на основе КИЗ Института истории науки и техники АН СССР.

В 1934-м Бухарин покаялся и на XVII съезде ВКП(б) (1934) в своём выступлении заявил: «Обязанностью каждого члена партии является сплочение вокруг товарища **Сталина как персонального воплощения ума и воли партии**». Необдуманно похвалил Пастернака (партия отмежевалась от этого выступления), но принял участие в кампании против «есенинщины»: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще.» (Потом, правда, покается – опять же.)

Тем не менее в том же году был переведён из членов в кандидаты в члены ЦК ВКП(б).

И вот тут его ставят главредом «Известий»! С 1934 и до второй половины января 1937-го...

Он успеет еще после 1-го Московского процесса над Каменевым, Зиновьевым и др. написать Ворошилову, как он относится к своим соратникам: «Циник-убийца Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак — страшно рад».

«Бухарин, - пишет Ленин 12-му Съезду РКПб, - не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии...» На Пленуме ЦК в феврале 1937 крупнейший теоретик и любимец исключён из партии и 27 февраля арестован. 13 марта 1938 Военная коллегия Верховного суда СССР признала любимца виновным и приговорила его к смертной казни – вы будете смеяться: как шпиона и **убийцу**.)

В 1924 тираж «Известий» – 197 тыс. экз. «Правды» – всего 80 тыс. («Журналист», №5, 2008, с. 89). По другим данным тираж «Правды» - 400 тыс. (Веритэ И. Г., Литвин А. В., «Печать в СССР в 1-й пятилетке», М.-Л., 1933). На 1 января 1930 г. тираж «Правды» вырос до 846 тыс., к июню 1930-

го – аж до 1,5 млн., к концу 1931-го превысил 2 млн (Верите, Литвин). По интернет-данным в 1931-м – лишь свыше 1 млн. В то же время тираж «Известий» к середине 30-х вырос до 1,6 млн., а по советским данным – незначительно рос с 1924-го. Мы будем верить 1933 году: с доминированием партийного печатного органа над печатным органом Советов развивался культ личности Сталина.

Сидит Гитлер на лавочке, читает газету «Правда». Подходит Наполеон. Гитлер: «Была бы у меня такая газета, русские никогда бы не узнали о моих зверствах.» Наполеон: «Была бы у меня такая газета, мир бы никогда не узнал, что я потерпел в России поражение...»

Еще один пункт разногласий на II Съезде РСДРП касался права избранных съездом органов осуществлять руководство и контроль над всеми местными партийными комитетами. Этот пункт не был сформулирован в виде двух различных проектов, но неоднократно озвучивался в выступлениях делегатов, цитировавших ставшее на время крылатым высказывание Троцкого: «Наш устав представляет «организованное недоверие» со стороны партии ко всем её частям, т.е. контроль над всеми местными, районными, национальными и другими организациями».

Но речь шла вовсе не о «недоверии». И не просто о контроле, а об управлении местными организациями. И не просто организациями, а трудовыми коллективами.

Сначала почитаем Большую советскую энциклопедию: «Демократический централизм, важнейший принцип организационного строения, деятельности, руководства марксистско-ленинских партий, социалистического государства, **управления социалистической экономикой**. Суть демократического централизма состоит в сочетании демократизма, т. е. полномочия **трудящихся**, их самодеятельности и инициативы, выборности их руководящих органов и их подотчётности массам, с централизацией — руководством из одного центра, подчинением меньшинства большинству, дисциплиной, подчинением частных интересов интересам общим в борьбе за достижение поставленной цели. Если в классово-антагонистическом обществе демократия и централизм противоположны, находятся в постоянном конфликте, то в условиях социализма они выступают в диалектическом единстве.»

Заметим, что марксисту, т.е. МАТЕРИАЛИСТУ, для которого бытие первично, а сознание вторично, стоило бы выбрать, что в диалектической

паре ему дороже, что ПЕРВИЧНО: полномостие трудящихся или руководство из одного центра. Или вообще казна.

Читаем дальше: «Четвёртый (Объединительный) съезд РСДРП (1906) впервые внёс в Устав положение о том, что: "Все организации партии строятся на началах демократического централизма" ("КПСС в резолюциях...", 8 изд., т. 1, 1970, с. 182). Восьмая Всероссийская конференция РКП(б) (1919) признала демократический централизм "руководящим принципом организационного строения партии" (там же, т. 2, с. 127).

Став после Октябрьской социалистической революции 1917 правящей партией, **Коммунистическая партия распространила осуществление демократического централизма и в государственном строительстве.** Против демократического централизма выступали троцкисты, так называемые "левые коммунисты", "децисты" (Группа "демократического централизма") и др. антипартийные группировки, стремившиеся под предлогом развития партийного демократизма создать и узаконить в партии фракционность и тем самым подорвать монолитное единство её рядов. Десятый съезд РКП(б) (1921) решительно осудил всякую фракционность в партии и принял по предложению Ленина резолюцию "О единстве партии".»

Редакция энциклопедии по понятным причинам включила в троцкистов и Рабочую оппозицию (Шляпников, Мясников, Коллонтай и др.). Точнее, растворила ее в троцкизме. Подчеркнем этот важнейший пункт: партия распространила принцип демократического централизма на государственное строительство.

Разумеется, фракционность в партии и принцип демократического централизма вовсе не тождественны друг другу, и Троцкий, и Шляпников не сомневались в необходимости демократического централизма **в партии.** Помните, как Мясников задавал простой, но глубочайший вопрос: **есть ли советская власть на заводе?** Кто есть рабочий на заводе – точно такой же подчиненный винтик в механизме, как при капиталисте, или всё же хозяин, как представитель рабочего класса?

Намекнем, что современные троцкисты до сих пор не поняли сути дела и говорят лишь о демократизме внутри партии.

Итак, партия с демократическим централизмом наперевес ринулась... к революции? Вовсе нет. Большевики не были сумасшедшими и ждали, что грянет где-то в развитых странах. Не в отсталой же России. Февральская революция свалилась на них, как снег на голову. Куда ж тогда? Ну, вообще... ринулись.

А как же коммунизм-то? Вы нас сначала призывали избавиться от такого захребетника, как буржуазия. А теперь сажаете нового, гораздо более изощренного захребетника, с партбилетом в кармане и моральным кодексом строителя коммунизма. Новый захребетник, растрепав на всех углах, что выражает, представляет наши интересы, собирается править – от нашего же имени!

Ведь вы же, идиоты, впечатали свой демократический централизм навечно. Но при коммунизме не будет классов, потому и вашей партии не будет. Забежим вперед и увидим, что **по мере развития экономики страны** во всех решениях партии народу вбивают в башку, что **роль партии повышается**. Как так?? Она, наоборот, должна уменьшаться, ведь по мере развития мы должны прийти к коммунизму, где роль партии равна нулю. Ранее каждый студент, а ныне каждый школьник знает (имеет представление), что если роль партии повышалась, а потом стала равной нулю, то перед этим роль партии была всё время отрицательной!

И незадолго до Октябрьской революции Ленин пишет основополагающую работу «Государство и революция». Помните, еще в 1902-м году он писал о жесткой централизации. Он повторял тезис Каутского-Бернштейна-Либкнехта, что сам по себе рабочий класс не может выйти за рамки экономизма. Политическое содержание в его борьбу привносит извне, как бог душу в человека, партия. Рабочие-то тупые, им поводырь нужен. Капиталист с социалистическим лицом.

Потом Ленин долго разводил руками, клял партию, которая в бурные дни плелась в хвосте масс, и звал не поучать рабочих, а учиться у них.

В этой же книге Ленин пишет вещи крамольные, противоречащие демократическому централизму. Он говорит об иных принципах, принципах Парижской Коммуны. Не контроль верхов за низами, а наоборот! **Контроль снизу за госчиновником**. Он напоминает, что **социалистическое государство обязано начать отмирать**. А с ним и партия, а с ней и демократический централизм. Ленин пишет свои знаменитые «Апрельские тезисы», в которых утверждает, что принципы Парижской Коммуны, а вовсе не принцип демократического централизма, должны лечь в основу государственного строительства. Перечислим их: 1) скромная, на уровне квалифицированного рабочего, оплата госчиновника, 2) постоянная сменяемость госчиновника, 3) самое главное: контроль за госчиновником со стороны низов, рабочего класса.

Меньшевик Плеханов прочитал – и сказал, что это бред сумасшедшего. До сих пор идеологи КПСС рвут на себе волосы и вопят, что

такое невозможно, что рабочий класс туп, а они, идеологи, самые просвещенные в мире граждане. И вообще народ – быдло, потому что не идет за КПРФ, самой лучшей, самой умной, самой честной, самой бескорыстной.

Но за месяц до революции Ильич строгаёт ещё одну статью, «Удержат ли большевики государственную власть»: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством... в состоянии только богатые или взятые из богатых семей чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами, и чтобы начато было оно немедленно, т.е. к обучению этому начали немедленно привлекать всех трудящихся, всю бедноту.»

Свершилась революция. Большевики пришли к власти. Тут масла в огонь подлил ренегат Каутский. Нам бы, дескать, хорошее, доброе правительство, которое бы служило пролетариату, действовало бы в его интересах, **идущее навстречу пролетариату**. Ни фига, отвечает в 1918 году ему (и будущим сталинистам) Ленин, да Вы, батенька, ренегат? Нам вовсе не нужно правительство, идущее навстречу пролетариату, нам нужно правительство пролетариата, **подчиненное пролетариату**. И усугубляет: «Сведем роль госчиновников к роли простых исполнителей воли трудящихся!» («Наказ от СТО местным Советам»). И припечатывает, в том же году: «Социализм – это когда **каждый** после отработки своего 8-часового урока занимается **государственной** деятельностью.» («Очередные задачи Советской власти») Каждая кухарка должна учиться управлять государством! «Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны, ... социализма не может ввести меньшинство - партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами.» (7-й экстренный съезд РКПб) Поняли, нет?

Заметим, что современные троцкисты до сих пор не видят разницы, им бы доброе правительство поставить у власти.

«Мать вашу! – стучит Ленин в 1921 году по столу кулаком. – Я же говорил!»

Выясняется, что не хватает кадров, народишку-то в партии маловато. В к началу 1920-го – всего-то 611 тыс. «Нужно ли нам увеличивать партию?» - вопрошал тогда Ленин, а ему из зала кричали: «Достаточно!» А он отвечал: «Совершенно верно, товарищи!» Оказалось - не может партия воевать, строить электростанции по плану ГОЭЛРО и одновременно шастать по

предприятиям и торговать в ларьках. А через год еще и бегать по Рапалло, заключать союз с немцами. И, коль рабочий класс развитых стран нам не помог – пусть помогают буржуи. Даёшь концессию. Даёшь СП. И каленым железом, невзирая на крики о несправедливости, мешанстве и зажратости, вводит НЭП.

НЭП должен сам исчерпать себя, его в конкурентной борьбе должны победить государственные монополии. А мелкий бизнес, как показала практика ГДР, ох, как надолго. Но Сталин ликвидирует НЭП волевым решением. В 1926-м прикрывает синдикаты, в 1928-м в связи с 1-м пятилетним планом фактически свертывает НЭП и в 1929-м добивает Нижегородскую ярмарку. (Юридически НЭП прекращена только 11 октября 1931 года, когда было принято постановление о ликвидации спекуляции со стороны частных торговцев.)

Править должен узкий социальный слой, особые люди, говорит в «Восстании масс» либерал Ортега-и-Гассет, те, «кто слышит подземный гул истории». Да-да, повторяет Сталин, особые люди, у которых особый нюх, особый глаз, которые способны обобщать и одновременно дисциплинированы, «орден меченосцев». Разве могут хоть частью экономики заведовать люди, ничего не смыслящие в Коране. То бишь, в марксизме. Все не могут участвовать в управлении, это должны делать грамотные люди, специализирующиеся в политике, говорит современный либерал, одновременно социал-демократ Игорь Аверкиев. Да-да, повторяет Зюганов, управлять должны компетентные.

Бараны вы, бараны, втемяшивает Ленин будущим сталинистам, даже сто Марксов не способны управлять экономикой. Социализм – это не умное, справедливое правительство, **это живое творчество масс!** Бараны, вы поняли?

Все прежние историки, разъясняет Маркс баранам сталинистам, рисовали историю как бытописание царей. Но история общества – это **история борьбы классов**, это не история царей или полководцев. И не история генсеков или партий, добавим мы. Роль личности в истории вторична.

Субъект истории – класс, он первичен. Партия класса – глубоко вторична.

Что же произошло, спросим мы вслед за Ильичом.

Да, 22 млн человек в первые годы Советской власти прошли ликбез государственной службы. И?.. «Укрывались на государственной работе от

непосильного труда», - сообщает писатель Платонов. И какой, к черту, рабочий контроль без высшего образования. Бакунин же говорил, что буржуазии для удержания своего господства достаточно одной привилегии – образования.

Да, означенные десятки миллионов. 19 млн – численность КПСС, примерно столько же – парт-гос-хоз-номенклатуры. И?..

1) С одной стороны, чтобы рабочие не бастовали, система проста: заводы – в провинции, а министерства – в сытой Москве. Вместо концентрации труда – разделение рабочих на тысячи километров. Так, завод им. Октябрьской революции в Перми получал марки стали из 35 точек страны, включая Ереван и Красноярск – когда в самой Перми на каждом заводе собственное металлургическое производство, плюс заводы в городах Пермской области. Не переживайте, на Западе та же система (Prais, 1976).

2) Всё равно народишку не хватает, нет милых сердцу джинсов, видеомагнитофонов и тойот, план не выполняется, «декабристы» от заводов ездят в конце года скашивать показатели, опять хозрасчет, как при НЭПе, опять хочется концессий и СП. Так стоило ли?

Что же еще произошло?

Оказалось, что «демократический» в кавычках централизм сыграл злую шутку. От одного человека зависела не только вся ВКПб, но и все компартии мира. Казалось бы, они должны действовать, исходя в первую голову из ситуации в конкретной стране, быть связанными со своими народами. Но доклад Хрущева на 20-м съезде показал, что народы стран – в стороне, не им служили компартии, а Сталину. Умер Сталин, Хрущев развенчал культ его личности, т.е. фактически культ царя, и численность, напр., французской компартии, возглавляемой Морисом Торезом, снизилась на 30%. После развала СССР компартии вообще заняли место рядом с карликовыми троцкистскими, получая на выборах менее 10% голосов.

Дело доходило до того, что Брежнев указывал лидерам левых партий, в каком направлении двигаться. Так, Альенде толкнули на путь легальных выборов. Альенде остался без подполья, без боевой организации и легко был свергнут ЦРУ в лице Пиночета.

Но без всяких хрущевых, брежневых и сталиных в обществе произошли глубокие изменения. Принцип демократического централизма приняли на вооружение ВСЕ без исключения партии. Оказалось, что это лишь прекрасный демократический бантик. Во всех партиях (и профсоюзах) без изъятия при обильной говорильне насчет демократии, при иллюзии

выборности и иллюзии отчетности руководство узурпирует узкая группа людей. Как говорят, организация забюрокрачивается.

Чем не преминули воспользоваться власти! Зачем народу устраивать бунты? Пусть всё будет организовано, в рамках. Кто недоволен – пусть обращается в партию или профсоюз. Если какая-либо политическая ниша, скажем, ультраправая или ультралевая, не занята, власти сами создают для них структуры. Неважно как они ругают власть. Главное – они управляемы, как Жириновский, Миронов и – разумеется – Зюганов. И националистическое РНЕ, и демократичные зеленые, и фашисты, и право-либералы Немцова или Прохорова, и т.д., и т.п. – суть все государственные структуры, созданы властью. Так партии и профсоюзы стали буфером, предохраняющим власти от непосредственного соприкосновения с массами.

Массам, в свою очередь, обрыдла партийная демагогия. Ну, как можно без раздражения слушать пустословие Миронова. А что творится на тусовках троцкистов! Сумасшедший дом. Население сосредоточено на работе на производстве, а после него с большей охотой идет на футбольный матч или в пивную. Надоели бессмысленные митинги и демонстрации, которые ничего не меняют. Это означает, что нужны новые классовые организации, организации нового типа.

А именно? Оглянитесь вокруг себя и вы найдете ответ. Сколько баранов занято созданием партий, которых ныне как у дурака стекляшек. Посмотрите, говорят, какая у нас хорошая программа! Счастье для всех и в короткий срок. Подавляющее большинство партий произрастает из Москвы. Цель? Обрести вождя кресло поближе к Кремлю, и забыть про партию. Как сделал, напр., Травкин. Или заняться политическим бизнесом, как сделали Миронов с Жириновским. Это создание партии «сверху». Вспомните, как в своем большинстве возникали Советы? Из забастовки, стачки. На первоначальном этапе своего существования Советы являлись классовым органом, призванным выражать интересы пролетариата. Это возникновение политической партии «снизу».

Вы будете смеяться, но КПРФ и РПК-РКРП не придумали ничего лучше, как создать Советы сверху, когда их никто об этом не просил, без социального заказа. Недолго такие «Советы» просуществовали. Еще веселее, когда партии (и даже карликовые профсоюзы) инициируют забастовки, когда их никто не просит – в Самаре лидеры суперкарликовой Партии диктатуры пролетариата большевиков Гриша Исаев и Витя Котельников перекрыли заглушки и остановили ЗиМ...

- Лазаревич, организацию можно победить только организацией, а организация без дисциплины - это даже не пудинг, а гораздо менее симпатичное вещество, из которого пуль не льют. Принцип демократического централизма лично мне кажется достаточно гармонично сочетающим возможность дискуссионной выработки решений и осуществления на деле этих решений. Бейсбольная бита часто бывает орудием преступления, но разве это значит, что причину следует искать в правилах игры в бейсбол?

- Лена, вот ты стряпаешь политическую банду, когда социальный спрос еще не вызрел. Значит, становишься в положение Неуловимого Джона, который потому неуловим, что на хрен никому не нужен. Разветвленного Джона, с железной дисциплиной, вооруженного страшной теорией. А власти, которые заранее тебя много сильнее, радуются. Регистрируют. Но на выборы не пустят - лосёнок совсем маленький, самим тяпнуть охота. А массы равнодушно взирают, как тебя мочалят, даже сочувствуют... А мы еще хотим вооружиться бейсбольной битой, да по мордам. Пока массы равнодушно взирают и сами двигаться не хотят. Тогда за каждую битку нам положат срок. Прокукарекать-то мы успеем, да толку.

Во-вторых, к дисциплине толкает не организация. И не «осознание». А бытие. Можно возмущаться бытием, обзывать его, стучать кулаком по столу, но через голову не прыгнешь. Вот в Перми троцкистка-карьеристка Мальцева. Решила устроить у себя жесткую дисциплину. Даже получалось! Молодые дурни строем ходили на митинги, пели песни про товарища Троцкого, выглядело как в цирке. Наконец, всем надоели глупости Мальцевой, профсоюз студентов помахал ей ручкой, с руководства Координационного Совета ее сняли...

Вообще, бланкизм уже был в истории, правда? Чем закончилось? Уговорили мужика, взяли во власть.

Еще раз: я не писал против принципа Д. Ц. в ПАРТИИ. Но. Если ты помнишь устав нашего объединения «Рабочий»: если кто против решения, он обязан НЕ МЕШАТЬ выполнению решения большинства. И никакая сила не заставит человека СЕГОДНЯ выполнять то, что ему противно.